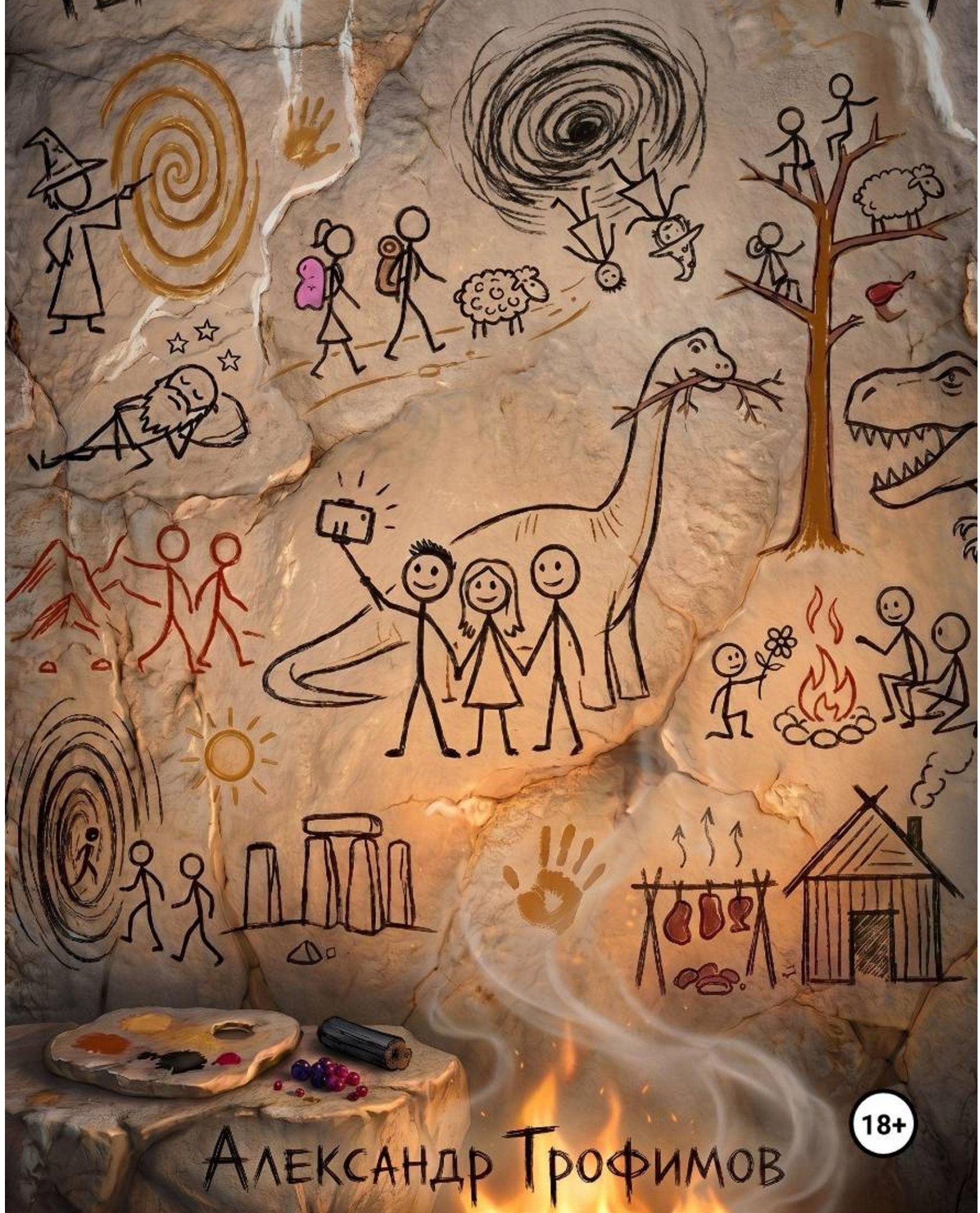

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ

Александр Трофимов

18+

Александр Трофимов

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ

«Автор»

2026

Трофимов А.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ / А. Трофимов — «Автор», 2026

Уважаемый читатель! Вы никогда не задумывались, почему в учебниках истории так мало смешного? Потому что историю пишут победители, а у них чувство юмора заменено чувством собственного величия. Всё начинается с того, что молодой волшебник Тибальт Перкинс III (в роду которого даже собак называли одинаково) перепутал страницы в гримуаре. Вместо курортного портала он открыл дыру в пространстве-времени, добавив для пафоса своё фирменное Хоккус-Поккус Максимус! В Меловом периоде встречаются программист, считающий Вселенную сырым продуктом с багами, SMM-стратег, готовая лайкнуть тираннозавра, рыцарь Круглого стола, центурион и овца, которая явно умнее их всех. Что может пойти не так? Всё, что угодно. И именно это делает историю не просто увлекательной, она превращается в темпоральный винегрет. Приятного чтения! И погладьте овцу, возможно, она знает пароль от вашего будущего.

© Трофимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Трофимов

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОЛЛАЖ ИЛИ ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ВИНЕГРЕТ

Приветствую. Садитесь. Чаю? Нет, чаю у нас нет, Мерлин опять напутал с трансмутацией, и вместо чая у нас теперь субстанция, которая, кажется, тихо поет григорианские хоралы. Но разговор у нас будет серьезный.

Глава 1

*Всё, что может пойти не так, идёт не так, но иногда с удивительными последствиями.
(автор)*

Если вы искренне убеждены, что любая порядочная история о путешествиях во времени обязана стартовать с величественного мерцания неоновых порталов, утробного завывания межпространственного ветра и эпического саундтрека Ханса Циммера, где басы заставляют вибрировать саму вашу селезёнку, что ж... мне искренне жаль вас разочаровывать. Вы тотально, бесповоротно и со всем возможным изяществом заблуждаетесь.

В какой-нибудь безупречной параллельной вселенной всё так бы и происходило: под грохот литавр, в окружении парящих неоновых рун и под аккомпанемент хора, выводящего на латыни лавкрафтовские ужасы. Но ирония судьбы в том, что наш мир, а в особенности та его часть, что отвечает за высшее магическое образование, отстоит от идеала примерно на то же расстояние, что неолитическая стоянка от Кремниевой долины. То есть на дистанцию, которую даже свет преодолел бы с глубоким вздохом и часовым перерывом на обед.

История эта началась оскорбительно прозаично. Жанр эпического фэнтези, привыкший открывать повествование тектоническими сдвигами, древними пророчествами и падением империй, в этот раз просто поперхнулся чаем. А всё потому, что один конкретный молодой человек по имени Тибальт Огастус Перкинс III банально перепутал страницы. И ладно бы это был зловещий, сочащийся первородной тьмой гримуар в переплётё из кожи девственницы - нет, перед ним лежал потрёпанный, покрытый липкими пятнами неизвестного (но подозрительно напоминающего джем) происхождения фолиант под оптимистичным названием «Магия для начинающих».

Само имя - Тибальт Огастус Перкинс III - негласно обязывало его обладателя как минимум заседать в Палате лордов или на худой конец владеть долей в чайной компании.

- Цифра «три», мой мальчик, - любил вещать его родитель, Тибальт Огастус Перкинс II, напыщенно раздувая щёки, как самец жабы в брачный период, - символизирует нерушимую магическую преемственность поколений!

На деле же это символизировало лишь тотальную ментальную импотенцию и полное отсутствие фантазии у всех мужчин рода Перкинсов за последние сто лет. Они умудрились даже собак трижды назвать одним и тем же именем - Барнаби. Все три Барнаби принадлежали к диаметрально противоположным породам, но упрямо откликались на одну кличку. Последний, Барнаби-третий, коренастый бульдог с умными глазами, смотрел на хозяев с немим укором, беззвучно артикулируя: «Серьёзно? Опять?»

Сноска №2 (О преемственности имен):

Называть детей в честь отцов и дедов - это старинная традиция людей, которые боятся запутаться в собственной родословной. В магических кругах это также считается способом передать по наследству родовые проклятия, фамильное серебро и хронический ревматизм левого колена. Тот факт, что Перкинсы застряли на цифре «три», говорил лишь о том, что Вселенной надоело плодить одинаковые ошибки, и она замерла в ожидании, когда у кого-нибудь в этом роду наконец проснется базовый инстинкт синонимического подбора.

Внешние данные Тибальта идеально гармонировали с его паспортными данными: долговязый, нелепо белокурый, с носом, который замер в мучительной нерешительности где-то посередине между «аристократическим профилем» и «боже, что это у вас на лице?». Его глаза обладали тем специфическим оттенком вылинявшей джинсы, который обычно встречается у хронических меланхоликов либо у людей, склонных принимать спонтанные, катастрофические по своим последствиям решения. Они всегда были широко распахнуты.

Тибальт искренне удивлялся всему окружающему миру: утренней овсянке, погоде за окном, тому факту, что заклинание левитации поднимает стул, но намертво приклеивает к потолку кота, и, особенно часто, когда магия отказывалась работать вообще. Однако этот взгляд «Бемби на максималках» не был признаком скудоумия. Скорее наоборот: так выглядит человек, искренне верящий, что реальность - это гигантский киндер-сюрприз, где даже смертельная опасность лишь забавный способ разогнать кровь. Каждый раз, когда из очередной ментальной шкатулки выскакивало нечто клякастое, слюнявое и голодное, Тибальт сначала выдавал восторженное: «О! Как свежо!» - и лишь спустя пару секунд до его заторможенного инстинкта самосохранения доползала мысль, что пора делать ноги.

В данный конкретный момент он подпирал спиной стену в своей каморке, помещении, которое даже самый отчаянный риелтор-мошенник постеснялся бы охарактеризовать как «уютную студию для молодого специалиста». Здесь, казалось, законы термодинамики и гравитации функционировали по какому-то серому, неофициальному контракту. На полках, приколоченных к стене под углом сорок пять градусов и державшихся исключительно на честном слове и вековой паутине, теснились алхимические колбы. Одна из них, наполненная фиолетовой жижей с болотными пузырями, периодически издавала тихий чмякающий звук и следила за магом. Другая, содержащая субстанцию цвета «я-не-знаю-что-это-но-оно-шевелится», жила своей насыщенной внутренней жизнью и, судя по всему, готовилась к муниципальным выборам.

На полу меланхолично булькал массивный медный котёл, издавая звуки, подозрительно напоминающие ворчание деда, которому забыли принести вечерние газеты. Варёво, поставленное Тибальтом ещё на рассвете, к полудню обрело консистенцию жидкой тектонической лавы и цвет глубокого человеческого разочарования. В углу высилась монументальная гора книг, которую сам хозяин гордо именовал «системой вертикального хранения данных с произвольным доступом». В реальности это была обычная куча макулатуры, которая не обрушивалась лишь потому, что закон Мёрфи временно взял оплачиваемый отпуск.

Фолиант, распластанный перед ним на столе, был древним. Древним настолько, что его страницы намертво слиплись от сырости и остатков сэндвичей, которые предыдущие поколения студиозусов прятали в подвалах Академии от бдительного ока коменданта. Пергамент, судя по текстуре, когда-то принадлежал средневековой корове, шкуру которой пустили на нужды образования, предварительно забыв спросить её согласия.

Тибальт катастрофически торопился. Это было его базовое агрегатное состояние. Он спешил, потому что умудрился завалить экзамен по Пространственно-Временной Магии Третьего Уровня уже трижды, и сейчас, с чётким осознанием близости ментальной плахи, решил: либо он сдаёт, либо отправляется чистить конюшни Камелота. Был, конечно, ещё третий вари-

ант - его убьёт наставник. И этот исход выглядел наиболее математически просчитанным. Но надежда, как известно, умирает последней, сразу после здравого смысла и инстинкта самосохранения.

Наставник Тибальта, сам Мерлин, верховный чародей Британских островов, личный консультант короны, ходячий сертифицированный компендиум знаний и, по совместительству, обладатель олимпийского терпения, в этот судьбоносный момент занимался государственной задачей: он спал. Спал глубоко, качественно и со вкусом, растекшись по дубовому креслу, вытесанному, по легенде, из векового дуба, под которым он медитировал в эпоху своей прыщавой юности. Это обеспечивало мебели почтенный тысячелетний возраст и хронический скрип при малейшем колебании. Укрывшись звёздным плащом, который продолжал тускло люминесцировать, старик созерцал сотый по счёту кошмар, где юный Артур в очередной раз пытался выяснить, какой стороной меча нужно бить врага, острой или плоской. Во сне Мерлин хмурил кустистые, похожие на мох брови, что-то яростно бурчал на валлийском и судорожно сжимал подлокотники, заставляя древний дуб жалобно подвывать.

В эту самую секунду тотального отсутствия контроля со стороны высших сил Тибальт, на чьём лице застыл дикий коктейль из недосыпа и отчаяния, перевернул слипшиеся страницы пергамента единым махом. Это был жест отчаянного игромана, ставящего фамильное кольцо на zero. Жест, от которого у любого сертифицированного магистра магии волосы либо встали бы дыбом, либо покинули голову навсегда, в зависимости от стажа и генетической предрасположенности.

В гримуаре было три ключевых страницы: сорок седьмая - открытие портала в курортную зону, сорок восьмая - закрытие портала, сорок девятая - заклинание экстренного возврата из любой точки пространства-времени.

Тибальт умудрился открыть и вовсе не ту страницу, приклеившуюся к нужной намертво.

Разница между этими заклетами была примерно такой же, как между рецептом яблочной шарлотки и мануалом по запуску ядерного реактора чернобыльского типа при помощи лома и какой-то матери. Текст гласил: «Развернуть червоточину в прошлое без ограничений по вектору, локации и здравому смыслу». И Тибальт, послушно следуя инструкции, уже вовсю удивлялся, почему в комнате начинает подозрительно пахнуть ионизированным воздухом и несвежими трилобитами.

- Ит-та-ра-бум-ди-е... - старательно пропел Тибальт, по слогам выдавливая из себя древние фонемы, как первокласник, вызванный к доске строгим завучем. Его брови сошлись на переносице так плотно, что между ними можно было зажать монету в два пенса, а кончик языка высунулся справа, неоспоримый маркер пиковой интеллектуальной концентрации. Для пущей солидности и торжественности момента он отсебятиной бахнул финальный аккорд:

- «ХОККУС-ПОККУС» МАКСИМУС!

Это лирическое отступление было его персональным патентом, его творческим плевром в вечность, его, если угодно, авторской подписью на полях мировой магии. Мерлин за эту самодеятельность регулярно обещал лишить его стипендии, именуя подобные вставки «цирковым балаганом», «вербальным мусором» и «главной причиной, почему ты, Перкинс, сдохнешь в канаве». Но Тибальт свято верил: в настоящем волшебстве обязан присутствовать ритм, аллитерация и капля здорового пафоса. В конце концов, если ты меняешь реальность, почему бы не сделать это с огоньком?

Сноска №3 (О «хоккус-поккус»е):

Большинство великих магических открытий делались людьми, которые добавляли в древние формулы что-то от себя, просто потому что забыли оригинальный текст. Девяносто процентов таких исследователей мгновенно превращались в кучку пепла, но оставшиеся десять процентов получали именные кафедры и право ходить в шляпах с глупыми перьями.

Тибальт уверенно двигался по первому маршруту, но вселенная, обладавшая извращенным чувством юмора, упрямо толкала его во второй.

Воздух в каморке содрогнулся. По комнате ударил ледяной сквозняк, хотя дубовые ставни были заперты на три засова и одно честное слово. Пахнуло озоном, палёной бумагой и почему-то свежескошенным альпийским лугом. Последний маркер показался Тибальту избыточным и даже подозрительным.

Прямо над кучей его грязных подрясников и недоеденных корок хлеба с сухим, оглушительным треском, так лопаются перетянутая гитарная струна или терпение сисадмина, которому в третий раз за час звонят из бухгалтерии, разверзся портал. Сначала он напоминал сизое кольцо размером с шиллинг. Через секунду уже с кулак. Ещё через миг с приличный поднос для запекания поросенка. Она пульсировала, жадно заглатывала свет, а её рваные края искрились ветвистыми синеватыми разрядами статики. Из недр разрыва потянуло жутким, космическим холодом абсолютного нуля пустоты.

Тибальт, вместо того чтобы поступить как любой психически вменяемый гуманоид то есть заорать, вызвать пожарных и спрятаться под кровать, прихватив с собой кота, застыл на месте с отвисшей челюстью. Синее неоновое марево портала залило его лицо, на котором отразилась гамма чувств от благоговейного священного трепета до чисто детского восторга.

- О, - выдохнул он, и в этом звуке было столько чистой, незамутнённой радости, словно он не порвал ткань мироздания на куски, а наконец-то настроил домашний роутер. - Пошло тепло. Получилось!

Он подошёл ближе на цыпочках, крадучись, как подкрадываются к спящему бульдогу неясного настроения. Нагнулся и заглянул внутрь воронки. Там царила маслянистая, непроглядная тьма. Пахло сыростью, болотом и чем-то доисторически-звериным. А ещё оттуда доносился утробный рёв, который ни один филолог в мире не смог бы классифицировать как приветственный. Это был звук, идущий из брюха некоего титанического существа, которое было весьма, весьма голодным.

Тибальт брезгливо сморщил нос - это была его защитная реакция на любые проявления суровой реальности, не вписывающиеся в его ванильные ожидания. Он-то рассчитывал увидеть спелые яблоки, солнце и зелёный газон Параллельной реальности №7. А получил сырой склеп, мрак и децибелы дикой ярости.

- Так, это явно не седьмой сектор, - глубокомысленно констатировал он. Пожалуй, это было самое трезвое и аналитически точное умозаключение за всю его академическую карьеру. За такой вывод можно было смело ставить зачет по логике, если бы не один маленький нюанс: плюз в преисподнюю уже был открыт настежь.

Червоточина, устав созерцать ментальные метания этого недотёпы, сделала резкое, бросковое движение вперёд, так гадюка атакует зазевавшегося тушканчика. Из её горловины вырвался шквал ветра, густо замешанный на запахе тухлого болота, сероводорода и доисторического перегноя. Мантия Тибальта взлетела вверх, остроконечный колпак съехал на затылок, и прежде чем его голосовые связки успели сформировать банальное «Мама!», портал всосал его без остатка, вместе со звёздным гардеробом, сапогами и остатками академической гордости.

Мерлин в своём кресле дёрнулся. Его породистое лицо на секунду свело судорогой то ли от ментального эха катастрофы, то ли от того, что Артур во сне умудрился порезать мечом собственный палец, пытаясь намазать масло на хлеб. Старый маг глухо выругался, натянул плащ на самые глаза, пытаясь откреститься от внешних раздражителей, и вновь погрузился в сон. Правда, теперь его сновидения стали заметно более тревожными и навязчиво включали в себя гигантских ящериц. До его пробуждения оставалось... ну, еще какое-то время, за которое можно было успеть уничтожить парочку экосистем.

А портал, мигнув на прощание бирюзовой искрой, так и остался висеть в воздухе каморки, лениво пережевывая остатки озона.

В эту же самую секунду аналогичный разрыв, зеркальный близнец Камелотского, соткался в пространстве туманного Уилтшира, ровно в пяти километрах к северо-востоку от Стоунхенджа. Он завис в полутора метрах над узкой туристической тропой, по которой в этот ноябрьский день, зябко кутаясь в куртки и вяло переругиваясь на тему отсутствия нормального кофе, шагали двое молодых людей. Порталу было абсолютно плевать на геополитику, хронологию и тот факт, что Камелот шестого века и современная Англия находятся в принципиально разных плоскостях бытия. Он просто висел, мерцал синим неоном и ждал.

Но к этому мы вернёмся чуть позже.

Для начала нам необходимо познакомиться с этой парочкой. Они не были магами. Они не были рыцарями Круглого стола или избранными из древних манускриптов. Это были обычные городские сумасшедшие из офисного сословия, которые купили пакетный тур «Магическая Британия» и даже отдалённо не представляли, насколько пугающе точным окажется это название.

Глава 2

Сноска №4 (О бэкендерах и законах физики):

Трагедия любого хорошего программиста заключается в том, что он подсознательно считает Вселенную продуктом чужого, крайне небрежного деплоя. С его точки зрения, гравитация, квантовая механика и смена времён года - это просто затянувшийся бета-тест, в котором пользователи почему-то обязаны участвовать за свой счёт. Поэтому, сталкиваясь с нарушением законов физики, бэкендер не падает на колени в религиозном экстазе, а начинает судорожно искать, куда написать тикет в техподдержку и почему до сих пор не уволили этого криворукого Архитектора.

Максим Сергеевич Громов, двадцати шести лет от роду, трудился бэкенд-разработчиком в компании с лаконичной, как системная ошибка, аббревиатурой из четырех букв. Контора занималась вещами настолько изощёренно скучными, что от одного их беглого описания у среднестатистического гуманитария начиналось неконтролируемое выделение слюны и глубокий сон: облачная архитектура, оптимизация баз данных и распределение серверных мощностей.

Внутренний мир Макса больше всего напоминал операционную систему Linux: всё было строго каталогизировано, подчинено безжалостной логике и задокументировано в трёх экземплярах. Любое проявление хаоса он расценивал как личную обиду, а отсутствие явных причинно-следственных связей - как критический баг в исходном коде вселенной, требующий немедленного, brutального рефакторинга.

При росте в метр восемьдесят два он имел вполне законное право смотреть на большинство бытовых неурядиц слегка свысока - как в переносном, так и в самом прямолинейном физическом смысле. Тёмные густые волосы вечно топорщились во все стороны, поскольку Макс искренне считал ежедневное расчёсывание нерациональной тратой драгоценных умственных ресурсов своего мозга. Серые внимательные глаза обладали слегка прищуренным фокусом, который выдаёт людей, способных по восемь часов без перерыва искать пропущенную точку с запятой в десяти тысячах строк чужого кода. Лицо его перманентно выражало глубокий, экзистенциальный скепсис и безмолвное: «Ваш пул-реквест это полная чушь, переделывайте, и желательно в другой профессии». Если бы существовал международный чемпионат по ироничному поднятию одной брови, Громов без труда забрал бы весь пьедестал, включая кубок за лучшую технику исполнения и приз зрительских симпатий.

Его гардероб не отличался изысканностью: классические серые джинсы, безликая ветровка защитного цвета и футболка с принтом. Сегодня на его груди красовалась гордая надпись «There's no place like 127.0.0.1», которую он сам находил верхом утончённого урбанистического юмора, а вся остальная туристическая группа бессмысленной.

Однако была в его экипировке одна деталь, заслуживающая особого, почти благоговейного внимания: массивные трекинговые ботинки из нубука. Он приобрёл их в порыве редкого для него и безрассудного оптимизма за неделю до вылета, поддавшись глухому инстинкту, который айтишники обычно подавляют на корню антидепрессантами и покупкой новых гаджетов. Обувь была монументальной: подошва с таким хищным протектором, что на ней можно было без страховки штурмовать ледники Килиманджаро, мембрана, не пропускающая даже жесткую радиацию, и ценник, от которого у Макса при приложении карты к терминалу предательски дёргался левый глаз и холодело в груди.

Сноска №5 (О трекинговой обуви и интуиции):

Существует теория, что качественная походная обувь обладает собственным зачатком интеллекта. Она способна предчувствовать приближение пространственных катастроф гораздо лучше своего владельца. Когда городской житель внезапно тратит двухмесячный бюджет на ботинки, в которых можно пережить ядерную зиму в Антарктиде, это не кризис среднего возраста. Это его подсознание, получившее зашифрованный сигнал от ноосферы: «Парень, скоро твои кеды превратятся в кисель. Покупай нубук».

Справа от него, демонстрируя пружинистую походку человека, привыкшего наматывать километры ради одного удачного кадра, шла Екатерина Алексеевна Волкова. Для близких просто Катя, для тридцати тысяч преданных подписчиков в соцсетях - блогер *Katya_Explores* амбициями вырасти до миллионника к следующему лету, если алгоритмы будут милостивы. В свои двадцать четыре года она трудилась SMM-стратегом в агентстве интернет-маркетинга «Взлётная Полоса» (единственное словосочетание в их брендбуке, которое она могла произвести без острого приступа стыда и желания помыть руки с мылом).

Катя представляла собой концентрированный, высокооктановый сгусток энергии, хорошего настроения и железобетонного знания о том, как должна выглядеть «успешная жизнь» через призму правильно подобранных фильтров. Правило третей, золотое сечение и глубокая цветокоррекция были вшиты напрямую в её ДНК.

Длинные русые волосы сегодня были стянуты в тугий конский хвост, который при ходьбе ритмично мотался из стороны в сторону, словно маятник метронома. Взгляд больших зелёных глаз менялся со скоростью картинок в ленте: в одну секунду в них могла отразиться тоска по некупленной сумке, а в следующую бешеный азарт хищника, завидевшего красивую геолокацию со сложным естественным светом. Лицо её обладало феноменальной, почти пугающей мимической подвижностью, брови жили своей независимой жизнью, а губы за секунду проделывали путь от презрительной ухмылки до обезоруживающей детской улыбки.

За спиной у неё покачивался рюкзак неоноворозового цвета, настолько интенсивного, что его излучение, вероятно, фиксировали радары НАТО. Этот аксессуар служил идеальным навигационным маяком для всей их группы: в плотном британском тумане туристы шли на него, как обречённые корабли на свет Фаросского маяка. Периодически их гид Дейв просто оборачивался, вглядывался в серую хмарь и орал: «Друзья, всем держать розовый рюкзак в поле зрения!» - и это спасало экскурсию от окончательной дезориентации и гибели в трясине.

Макс и Катя дружили со второго курса университета. Это была та самая древняя, обростающая мхом и анекдотами дружба, истоков которой уже никто не помнил, а все общие знакомые давно устали задавать риторический и глубоко пошлый вопрос: «Ну когда вы уже переспите или поженитесь?» Поначалу всё было невинно: совместные лекции, циничный обмен

шпаргалками, бесплодные попытки Макса объяснить ей основы дискретной математики под Катино зевание, переходящее в сон. Затем начался период скрытой «диффузии»: Макс стал ловить себя на том, что слишком долго смотрит, как она наматывает прядь волос на палец, а Катя начала фиксировать мимолётные искры в его глазах перед тем, как он выдаст очередную язвительную шутку.

Сейчас они старательно делали вид, что между ними ничего нет, хотя воздух вокруг них был настолько наэлектризован недосказанностью, что их общий приятель Пашка с физтеха даже завёл экселевскую таблицу с графиками. Ставки на исход «свадьба в течение трёх лет» принимались им с коэффициентом 1.5. Психологи назвали бы их текущий статус «периодом фрустрирующей неопределённости», а Пашка использовал короткое нецензурное слово, рифмующееся с существительным «матрос» и идеально описывающее ситуацию.

- Слышь, навигатор, - подал голос Макс, хмуро созерцая серые холмы Уилтшира, - ты уверена, что наш отряд ушёл в эту сторону?

Он вытянул шею, тщетно пытаясь разглядеть сквозь серую вату тумана оранжевую куртку Дейва. Тщетно. Местная изморось была такой плотности, что её можно было резать строительным ножом и продавать в банках как сувенирный британский воздух.

Катя уткнулась в экран смартфона. Её брови тут же съехались к переносице, а губы недовольно сжались, но она мгновенно замаскировала панику привычным скепсисом:

- Ну... Как бы тебе сказать. В общем, сеть ушла в глубокий аут.

- Что значит ушла? - Макс резко затормозил. Правая бровь привычно рванула к линии роста волос. - Сеть это не твой бывший, она не может просто уйти. Это физика, электромагнитные колебания, вышки оператора!

- Расскажи это моему телефону. Я просто отвлеклась на секунду, чтобы сфоткать овцу, - буркнула она.

- Кого сфоткать? Овцу?

- Она была невероятно фотогеничной, Макс! - моментально включилась Катя, и в её глазах загорелся тот профессиональный SMM-пожар, который не способны залить никакие дожди Альбиона. - Ты бы видел её кудри... Это же готовый контент для эстетики. Я уже и подпись придумала: «Когда понедельник только начался, а ты уже просто хочешь пастись». Этот пост гарантированно собрал бы тысяч пять лайков за первый час!

Она активно жестикулировала, наглядно демонстрируя Максу воображаемую сетку постов в воздухе: левая ладонь символизировала визуал, правая - блок хештегов. Громов посмотрел на неё взглядом, в котором отразилась вся многовековая боль их дружбы. В этом взгляде смешались три вещи: глубокий, закалённый годами скепсис, полное непонимание законов блогосферы и огромная, тщательно запрятанная куда-то под рёбра нежность.

- Итак, - Макс взмахнул ладонью в воздухе, копируя жест регулировщика, - резюмируем. Мы торчим посреди глуши, без гида из-за одной овцы.

- Детали решают всё, Громов, - она упрямо вскинула подбородок, напоминая Жанну д'Арк перед судом инквизиции. - погоди, это ты сейчас на кого намекаешь? Это кто овца? - Катя сузила глаза до состояния двух снайперских прорезей.

- А ты сама как думаешь? - хмыкнул Макс.

- Ты охренел, что ли, - процедила она, хотя уголки её губ неудержимо поползли вверх.

- Но ты улыбаешься.

- Это судорога.

- Это улыбка, Волкова.

- Громов, избавь меня от своего психоанализа.

- Молчу.

Наступила относительная тишина. Катя принялась усердно демонстрировать смертельную обиду - скрестила руки на груди и выпятила нижнюю губу, хотя её щёки покрыл вполне здоровый румянец.

- Кать...

- Что?

- Мы в Англии. Здесь у каждой второй овцы кастинг в рекламу шерсти, он иронично обвёл рукой унылый пейзаж. - Тут вся страна одно сплошное парнокопытное стадо.

- Именно поэтому я и должна была сделать уникальный кадр! - победоносно парировала она.

Макс издал утробный вздох. Так вздыхают сисадмины, когда бухгалтер сообщает, что «интернет сломался, потому что провод под столом слишком сильно скрутился». Он повернулся вокруг своей оси. Туман сгустился с истинно британским упорством. Ноябрь на острове это время, когда климат окончательно теряет остатки адекватности, меняя декорации каждые двадцать минут, а концепция «солнечного дня» переходит в разряд мифов и преданий древних кельтов. Влажность достигла отметки, когда для продвижения вперёд хотелось переключиться на стиль брасс. Где-то в серой вышине тоскливо заблела та самая овца.

Сноска №6 (О британском туризме и пирогах):

Маркетинг английских исторических мест - это искусство продавать пустоту по цене антиквариата. Если вам говорят, что на этом холме медитировал великий друид, это значит, что в девятнадцатом веке местный фермер нашел здесь удобный плоский камень и пил на нем эль, пока жена не видела. Что же касается пирога с почками, то это не кулинария. Это испытание веры. Тот, кто смог доест его до конца, автоматически получает иммунитет к пищевым отравлениям и право беспрепятственно вступать в рыцарские ордена.

Их экскурсионный маршрут носил гордое название «Магическая Британия: по следам древних легенд». Звучало многообещающе на глянцевого сайте турагентства, но реальность, судя по всему, готовила им жёсткий овербукинг. Список локаций включал Тинтагель (где по заверению гида родился Артур, хотя историки давно сошлись на том, что это средневековый фейк ради привлечения немецких туристов), Гластонбери с его аббатством (где монахи якобы раскопали могилу Гвиневры, когда им банально не хватило бюджета на ремонт протекающей крыши) и Стоунхендж. Финалом этого экстрима должен был стать традиционный английский ужин с пирогом из почек, при одном упоминании которого половина автобуса начинала тихо и истово молиться.

Их гид Дейв, пятидесятилетний англичанин с физиономией оптимистичного бульдога и менталитетом потомственного продавца миксеров, отработывал каждый фунт. Он вещал о друидах и энергетических линиях с таким экстазом, какой бывает либо у городских сумасшедших, либо у людей на очень хорошем окладе. Дейв относился ко второй категории. Последний раз его оранжевый неоновый дождевик мелькал в тумане минут двадцать назад, когда он уводил послушную толпу к холму, выкрикивая на ходу: «Именно здесь Мерлин силой мысли перемещал многотонные мегалиты!» Теперь от группы не осталось даже акустического следа. Только молоко тумана, тишина и невидимые овцы.

- Значит, Дейв утверждает, что Мерлин двигал камни силой мысли, - задумчиво протянул Макс, переходя в свой любимый лекторский режим. - А хочешь знать, как Стоунхендж строился с точки зрения нормальной науки?

- Если ты сейчас начнёшь тереть про неолитический долгострой и катки из брёвен, я закричу, - Катя состроила гримасу ужаса, хотя в глазах плясали весёлые смешинки.

- Ранний бронзовый век, три тысячи лет до нашей эры, - монотонно, как робот-экскурсовод, выдал Громов. - Вес каждого сарсенового блока - до двадцати пяти тонн. Их тащили из Марлборо-Даунс за тридцать километров по пересечённой местности...

- Макс, ты потрясающий, но иногда ты звучишь так, как будто у тебя внутри запущен скрипт Википедии, - она выставила ладонь вперёд. - Тормози.

- Я просто читал рецензируемую статью на Хабре, - Макс дёрнул плечом, пытаясь скрыть лёгкое смущение.

- Не сомневалась. Ты даже на освежителе воздуха состав читаешь с как эксперт.

- Это, между прочим, расширяет кругозор.

- Это бесит, когда мы стоим посреди поля и понятия не имеем, где юг, - она упёрла руки в бока.

Макс выдержал паузу, ровно столько, сколько требуется человеку, привыкшему к логике ветвления, чтобы переключиться с «споря» на «решаю». Достал телефон. Экран вспыхнул, отображая мёртвую зону: шкала приёма сети была пуста, как кошелёк первокурсника. Палец Макса рефлексивно сделал свайп вниз, пытаясь обновить подключение, но чудо не произошло. Технический прогресс капитулировал перед Уилтширскими холмами.

- Спутники тоже отвалились. GPS мёртв, - ровным голосом сообщил он, хотя желваки на его челюсти заметно заходили ходуном.

- Прекрасно.

- Компаса в часах нет, я забыл обновить прошивку перед вылетом.

- Ещё лучше.

Катя с раздражением запихнула свой девайс в боковой карман рюкзака. Весь этот дремучий минимализм без Google Maps начинал её утомлять. Ей не хватало кнопки «Отменить последнее действие».

- Ладно, - Катя тряхнула хвостом, включая режим стихийного лидера. - Двинули вон туда. Там туман вроде посветлее, может, тропа выведет.

- «Вроде посветлее» - это не метрика для прокладки коммерческого маршрута, - Макс скрестил руки на груди.

- У тебя есть альтернативный алгоритм?

Программист открыл рот, вовремя закрыл его, признавая тактическое поражение, и они послушно зашагали «вон туда».

Колея петляла между холмами. Грязь под их подошвами издавала характерные чавкающие звуки. Из тумана снова донеслось самодовольное овечье блеяние. Пахло мокрым вереском, торфом и тем специфическим ароматом сырости, который за секунду напоминает о том, что ты оставил в отеле зонт.

- Кать, - нарушил молчание Макс через пару сотен метров, - а на кой чёрт ты вообще потащила на эту «Магическую Британию»? Ты же всю эту кельтскую мистику считаешь попой для доверчивых туристов.

Он смотрел строго вперёд, но интонация выдавала, что этот вопрос мучил его с самого Хитроу.

- С чего такие выводы? - Катя скользнула по нему быстрым взглядом.

- Ты в автобусе назвала Стоунхендж «унылым набором кирпичей для гигантов».

- Потому что так оно и есть! - горячо отозвалась она. - Чистый маркетинг. Берут сорок фунтов за право посмотреть на забор, аудиогид и пластиковый сувенирный топор в магазине. Вот и вся магия.

- Ты уходишь от прямого ответа.

Катя сбавила темп. Её пальцы крепче вцепились в лямки ярко-розового рюкзака, а плечи напряглись. Она попыталась выдать фирменную небрежную ухмылку, но вышло натянуто.

- Ну, ты взял путёвку. И я взяла. Простейшее статистическое совпадение.

- Мы работаем в фирмах на разных концах Москвы. Наше расписание отпусков не пересекается случайным образом.

- Значит, это судьба, Громов, смирись, - она попыталась отшутиться.

- Катя.

- Ну чего тебе?

- Ты специально подстроила покупку тура через Пашку?

- Этот Пашка - длинный язык, - Катя драматично возвела глаза к небу, словно призывая древних друидов покарать их общего друга.

- Зачем, Катя?

Она остановилась как вкопанная. Макс по инерции пролетел на шаг вперёд, после чего развернулся. Они стояли лицом к лицу посреди туманного нигде. Зелёные глаза девушки смотрели на него с несвойственной ей серьёзностью и вызовом.

- Ладно, окей! - выпалила она, и её щёки мгновенно окрасились густым румянцем, заметным даже в этой серой хмари. - Да, специально! Ты три месяца ныл, что мечтаешь увидеть эти чёртовы мегалиты вживую, но сам никогда не купишь билет, потому что у тебя вечный «деплой». Я подумала, что если я поеду с тобой, то...

Она осеклась, горло перехватило. Нужные слова намертво застряли где-то на уровне гортани.

- То что? - тихо спросил Макс. От его привычного сарказма не осталось и следа.

- То это будет... хорошая поездка, - закончила она почти шёпотом, уставившись на пряжку его ветровки.

Макс молчал секунд пять. Его серые глаза сканировали её лицо без обычной аналитической холодности, тепло и как-то растерянно. А затем он улыбнулся:

- Хорошая поездка, правда, на данный момент её промежуточный итог, мы заблудились к чёртовой матери.

- Все лучшие тревел-блоги начинаются с того, что автор повернул не туда, - Катя мгновенно вернула свой привычный боевой настрой.

- Это цитата из паблика с цитатами цитат?

- Это подпись под моим постом двухлетней давности. Восемь тысяч лайков, между прочим, понял?! - она гордо качнула хвостом.

- Ты цитируешь саму себя? Это уже терминальная стадия нарциссизма.

- Я иногда поражаюсь собственной мудрости, - она картинно развела руками, и они оба одновременно рассмеялись. Напряжение, копившееся с самого утра, испарилось без следа.

Они двинулись дальше. Подъём пошёл круче, ноги то и дело проскальзывали на мокрой траве. Туман сгустился до такой степени, что видимость сократилась до длины вытянутой руки. Все внешние звуки исчезли, сменившись ватной, давящей тишиной.

И в этот момент Максим Сергеевич Громов, законченный сертифицированный материаллист, увидел объект, который полностью обнулил его представления о физических константах Вселенной.

Прямо над их тропой, в двух метрах от земли, висела пространственная дыра.

Сноска №7 (О порталах низкого качества):

Пространственные аномалии делятся на две категории: величественные сингулярности, созданные высшим разумом, и бюджетные прорехи, возникшие из-за чьей-то глупости. Первые сияют чистым светом и поют сферами. Вторые мерцают, как сломанный телевизор «Рубин», пахнут старым зоопарком и вызывают у наблюдателя стойкое ощущение, что мироздание просто экономит на текстурах высокого разрешения.

Она выглядела в точности так, как изображают порталы в второсортных научно-фантастических фильмах, у создателей которых не хватило денег на качественный рендеринг: вертикальный мерцающий овал человеческого роста, чьи края рвано искрились неоновым синим светом, напоминая экран старого кинескопа при потере сигнала. Внутри этой рамки клубилась маслянистая, осязаемая чернота, от которой веяло сыростью, холодом и душливым запахом доисторического зверинца.

Макс затормозил так резко, что Катя с размаху ткнулась носом в его лопатку. Макс замер в состоянии, которое сисадмины называют «Kernel panic» - критическая ошибка ядра, система не отвечает, спасайте логи.

- Кать, - выдавил он. Голос прозвучал пугающе ровно.

- Я вижу, Макс.

- Это...

- Ага, хрень какая-то.

- По-твоему, это укладывается в рамки нормального математического распределения? - в его голосе прорезались те истеричные нотки, с какими он обычно устраивал разнос стажёрам за упавший продакшн в пятницу вечером.

Катя склонила голову, прищурилась, а её правый указательный палец рефлекторно дёрнулся, имитируя нажатие на кнопку затвора. В её душе в эту секунду шла яростная, тектоническая борьба: семьдесят процентов профессионального SMM-азарта боролись с двадцатью процентами паники и десятью процентами чистого девичьего любопытства.

- Слушай, - произнесла она, - если я сниму это без фильтров, это будет топ недели.

- Катя, твою мать! Это тектонический разрыв пространства!

- Или очень дорогая промо-кампания нового сезона «Доктора Кто». Помнишь, на Трафальгарской площади выставляли...?

- На Трафальгарской площади не пахло так, словно стадо слонов использовало её вместо туалета! - сорвался на яростный шёпот Макс.

- А ты, прям, знаешь, как пахнут слоны?

- Теперь знаю! - он указал пальцем на сизое марево. - Из этой дыры несёт доисторическим навозом и тухлым болотом!

Катя принюхалась. Аромат действительно был специфический: верхние ноты - аммиак и немытая шерсть, сердце парфюма - болотный газ, шлейф - сырое, слегка подгнившее мясо. Экспозиция вызвала мгновенный рвотный рефлекс и животный страх на уровне древних рефлексов.

- Может... ну его? - предложил Макс. - Давай обойдём по дуге?

- Разумный алгоритм, - по слогам произнесла Катя, хотя её ноги уже слегка подкашивались.

Они сделали три шага влево, пытаясь срезать через склон. Произошло странное: как только они сместились, тропа под их ногами словно провернулась вокруг своей оси. Пространство вокруг них неестественно изогнулось, сжалось, и после очередного шага они обнаружили себя стоящими ровно на том же месте, в метре от мерцающего овала. Макс повторил манёвр вправо. Результат повторился с точностью до миллиметра. На третий раз он подошёл так близко к краю, что статика портала заставила его волосы встать дыбом, окончательно превратив его причёску в подобие одуванчика.

- Это гравитационная ловушка? - Макс заскрежетал зубами. - Какая-то магнитная аномалия? Может военные что-нибудь испытывают?

- В пяти километрах от Стоунхенджа? - Катя скептически приподняла бровь.

- У этих британцев из министерства туризма совсем крыша поехала!

- Макс, - Катя перехватила его ладонь. Её пальцы были ледяными, но сжали его руку с силой гидравлического пресса. Этот тактильный контакт стал единственным стабильным элементом в их рушащейся реальности. - А давай просто заглянем?

- Заглянем?! В сингулярность?!

- Ну ты же бэкендер, ты обязан протестировать неизвестный эндпоинт, - она вымученно улыбнулась.

- Я хочу дожить до пенсии, Катя!

- Одно другому не...

Договорить она не успела. Из тумана позади них с диким, пронзительным блеянием вылетела та самая «фотогеничная» овца. Фотогеничная, была по-настоящему фотогенична и, без сомнения, чудо как хороша: белая, пушистая, с кремовым оттенком на морде и совершенно невозмутимым видом, который свойственен овцам и состоятельным людям, не обременённым необходимостью работать.

Но сейчас животное полностью утратило свой светский лоск: белая шерсть свалялась, глаза были выпучены от неопишемого ужаса, а копыта выбивали по каменистой тропе безумную чечётку. Она неслась со скоростью курьера службы доставки, у которого безжалостно сгорает таймер.

- Какого хрена она так разогналась? - успел удивиться Макс.

Ответ прилетел незамедлительно. Земля под их ногами ощутимо вздрогнула. Из тумана донёсся нарастающий топот множества копыт, совмещённый с глубоким, хриплым сопением огромных лёгких. Звук был такой массы, что у Макса мгновенно заложило уши.

- Там что, бешеный трактор? - Катя испуганно обернулась.

- Трактора не дышат, Катя!

Из серой пелены соткался силуэт. Он был огромным. Массивная туша размером с приличный минивэн передвигалась на четырёх коротких, похожих на бетонные тумбы конечностях. Из её морды торчал огромный, плоский костяной нарост - жуткий рог, напоминающий таран средневекового корабля. Всё тело существа было покрыто густой, лохматой рыже-бурой шерстью, с которой ключьями свисала болотная жижа. Маленькие пороссячьи глазки, налитые кровью, зафиксировали двух людей и овцу. Зверь яростно фыркнул, выбросив из ноздрей два столба густого пара.

Макс замер, судорожно перебирая в голове файлы памяти.

- Это не бык, - констатировал он.

- Очевидно, - пискнула Катя.

- Это похоже на шерстистого носорога эпохи плейстоцена.

- Он, судя по названию, давно вымер, правда же?!

- Похоже, этому забыли выслать официальное уведомление! - затараторил Макс, поскольку туша весом в три тонны уже опустила голову и начала разгон прямо по их души.

Шерстистый носорог, а это был он, *Coelodonta antiquitatis*, если уж быть точным в вещах, которые несутся прямо на тебя со скоростью тридцать километров в час, - повернул свою огромную голову.

Времени на академические дискуссии не осталось. Мозг Макса выдал единственно возможный логический вывод в условиях критического дефицита времени.

- Прыгаем! - рявкнул он, указывая на мерцающий портал.

- Куда?! Там же полная неизвестность!

- Альтернатива - три тонны доисторического фарша! Прыгай, Катя!

Носорог издал жуткий рёв, от которого завибрировали камни под ногами. Этот аргумент оказался решающим.

Зажмурившись, они единым сгустком влетели в сизое неоновое марево портала. Секундой позже овца, проявив чудеса акробатики и издав боевое «Бе-е-е!», сиганула следом за ними, как заправский десантник.

Носорог с трудом затормозил у самого края разрыва, выбивая копытами фонтаны мокрой земли. Он сердито покрутил массивной головой, недовольно хрюкнул в пустоту, развернулся и меланхолично побрёл обратно в туман Уилтшира - искать более приземлённую и предсказуемую пищу.

Глава 3

Сноска №8 (О природе межпространственных перемещений):

Пространственно-временной конвейер Вселенной устроен по принципу классического советского плацкарта: вас обязательно встрясёт, на полдороге пропадет свет, из щелей будет дуть космическим вакуумом, а в пункте назначения вы гарантированно окажетесь не в той кондиции, не в том часовом поясе и с чужим левым тапочком в руках. Но самое страшное заключается в том, что в чертежах этого конвейера гравитация, время и здравый смысл скреплены синей изолентой и честным словом Архитектора, который к тому же в тот день явно торопился на пятничное пиво.

Прежде чем траектория нашего повествования окончательно увлечет нас вслед за Максом, Катей и их новоиспеченным парнокопытным спутником в бездну пространственного перехода, туда, где законы термодинамики застенчиво прячут глаза и делают вид, что они тут ни при чем, совершим короткий, но стратегически важный маневр в хронологический тыл. А точнее, вернёмся в захламлённую каморку на самой тупиковой окраине Камелота, где буквально за несколько минут до описываемого безобразия разыгрался первый акт нашей маленькой трагикомедии.

Когда портал низкого качества с урчанием засосал Тибальта Огастуса Перкинса III, ощущения молодого мага меньше всего напоминали величественный полет сквозь звездные врата. Это было глубоко унижительное пребывание внутри гигантского блендера, заполненного жидким азотом, ментоловыми леденцами и чистым, беспримесным отчаянием. Его крутило, выворачивало и складывало пополам во всех известных двенадцати измерениях сразу, включая те четыре, которые физики придумали ради получения грантов.

За те три бесконечные секунды, что длился этот метафизический кошмар, в черепной коробке Тибальта, работавшей на пределе своих скромных возможностей, успели чётко сформироваться три фундаментальные мысли.

Мысль первая: «Это место категорически, судя по полному отсутствию пальм и шезлонгов, не похожа на буклет курортной Параллельной Реальности №7».

Мысль вторая: «Если я каким-то чудом выживу, Великий Мерлин лично сдерёт с меня шкуру, пустит её на пергамент, а после заставит меня же писать на ней объяснительную».

Мысль третья, самая страшная: «О великие боги, я же не снял с огня тринадцатый экспериментальный котёл!»

Сноска №9 (О технике безопасности в алхимии):

Инструкция по технике безопасности на кафедре практической алхимии состоит из одного-единственного пункта: «Бегите». Если на полях древнего гримуара вы видите приписку мелким шрифтом, сделанную дрожащей рукой неизвестного монаха, знайте, что это не рецепт, это эпитафия. Настоящая магия отличается от высокой науки тем, что наука пытается объяснить, почему мир не взрывается, а магия искренне удивляется, когда этого не происходит каждые пять минут.

Последний пункт и вызывал у несчастного подмастерья наиболее глубокий, леденящий душу ужас. Дело в том, что в котле на медленном огне из сушеного помета летучих мышей кипело экспериментальное зелье против облысения, разработанное по заказу одного очень влиятельного, но крайне плешивого рыцаря Круглого стола. При термическом перегреве (о чем честно предупреждал мелкий, полустертый шрифт на полях рецепта, оставленный там, вероятно, в целях естественного отбора среди студентов) варево начинало выделять невидимые пары. Эти пары приводили к мгновенной и полной и необратимой депиляции всего живого в радиусе десяти метров. Живое при этом не умирало, но приобретало вид свежесбритого бильярдного шара.

Представив своего великого наставника Мерлина без его легендарной, окладистой, взлелеянной веками бороды до пояса бороды, в которой, по слухам, запуталась парочка небольших цивилизаций и один потерянный королевский указ, Тибальт всерьез засомневался, стоит ли ему вообще выживать в этом путешествии и искать дорогу домой. В конце концов, в бездне между мирами было хоть и холодно, зато там никто не умел превращать нерадивых учеников в говорящих жаб с дефектами дикции.

Затем пространственный конвейер, издав звук, похожий на предсмертный писк старого пылесоса, резко остановился. Тибальта с размаху, без малейшего уважения к академическим кругам, выплюнуло на твердую поверхность. Приземление пришлось по закону всемирного тяготения на нечто мягкое, подозрительно теплое и явно обладающее собственной нервной системой.

Объект под его задом издал хриплый, полный искреннего классового возмущения гор-таный звук, напоминающий скрип несмазанной телеги.

Тибальт открыл глаза, судорожно отплёвываясь от чего-то, что по вкусу напоминало болотную грязь с легким оттенком юрского периода. Его парадный остроконечный колпак, расшитый серебряными звездами (каждая из которых символизировала три семестра бессонных ночей), превратился в жалкое, мокрое подобие половой тряпки. Синяя мантия задралась до самых ушей, а лицо было щедро, от души декорировано местной доисторической флорой.

Немного придя в себя, он обнаружил, что сидит посреди поляны, густо заросшей циклопическими папоротниками высотой с хорошую лондонскую двухэтажку. Местные деревья больше всего напоминали несущие колонны какого-то титанического храма, чей архитектор явно страдал гигантоманией и дефицитом эстетического вкуса. Гладкие, чешуйчатые стволы уходили в свинцовое выси метров на сорок, а корни выпирали из земли, словно окаменевшие анаконды. Воздух вокруг был горячим, липким, плотным, как в привокзальной бане в базарный день, и настолько перенасыщенным кислородом, что у Тибальта мгновенно зашумело в ушах, а перед глазами заплясали веселые розовые пиксели. Из глубины этих изумрудных джунглей периодически доносились жуткие, сухие, металлические крики, которые при всем желании и богатстве воображения никак нельзя было принять за весеннее пение соловьев.

- Так... Это явно, - пробормотал Тибальт, пытаясь сдуть с носа прилипший лист, - очень глубокие окрестности Камелота. Возможно, южный округ. Очень южный.

Собрав в кулак остатки своего благородного аристократического достоинства, он поспешно, путаясь в полах мантии, вскочил на ноги. Лицо его при этом залила густая, пунцовая краска смущения, свойственная отличникам, нарушившим правила этикета:

- Простите великодушно! О, благородный сэръ... Я не преследовал цели совершать на вас десантную операцию! Это чистая, непредвиденная случайность, вызванная нестабильностью эфирных потоков и моей личной невнимательностью при расчете тригонометрических...

Он резко осекся, наконец-то разглядев в тусклом зеленоватом свете того, на ком только что так бесцеремонно восседал.

На примятой траве сидел субъект крайне, запредельно дикого вида. Это был низкорослый, феноменально мускулистый крепыш, одетый в грубо, на скорую руку сшитые звериные шкуры неопределенного происхождения (судя по запаху, их бывший владелец расстался с ними неохотно и довольно давно). Кожа незнакомца была практически черной от многовекового экваториального загара, вьевшейся золы и полного, принципиального отсутствия гигиены как концепции. На его голове высилась пахучая копна сальных, намертво спутанных волос, в которой, кажется, можно было обнаружить гнездо мелких пернатых. В маленьких, глубоко посаженных глазках дикаря читался восхитительный, высокооктановый коктейль из глубокого суеверного ужаса перед странным чуваком в синем халате и отчётливого, сугубо практического желания немедленно пробить этому самому чуваку голову массивным каменным топором, который весьма удачно лежал на расстоянии вытянутой руки.

Сноска №10 (О трудностях перевода в письменную эпоху):

Проблема первого контакта с архаичными культурами всегда упирается в лингвистический барьер. Высокие цивилизации привыкли использовать метафоры, синекдохи и сослагательное наклонение. Древние люди предпочитают существительные, выраженные тяжелыми тупыми предметами. Когда профессор лингвистики говорит: «Давайте найдем консенсус», дикарь слышит: «У меня очень мягкий череп, попробуй ударить сюда».

Заметив, что пришелец замолчал, дикарь резко подался назад и выдал быструю, отрывистую тираду. Она состояла из щелчков языком, утробного хрюканья, свиста и глубоких гортанных выдохов. Ни один из известных Тибальту языков, включая академическую латынь, благородный старонормандский, высокий эльфийский и даже подзаборный гномий, не имел с этим звуковым хаосом ничего общего. Это была речь, созданная в эпоху, когда слово «завтрак» означало не прием пищи, а статус в пищевой цепочке.

- Э-э... Приветствую? - Тибальт попытался растянуть губы в максимально дружелюбной, парадной улыбке, какую обычно демонстрируют дипломаты перед объявлением войны, и заговорил на классической латыни: - *Salve, amicus sum. Non nocere tibi...* Я пришел с миром и наилучшими пожеланиями от Круглого стола...

Охотник посмотрел на него как на неизлечимо больного, причем на той стадии, когда медицина уже бессильна и пора звать могильщика. Его мощный, как гранитный карниз, надбровный валик угрожающе дёрнулся.

- Доброго утречка? - попробовал маг зайти с другой стороны, переключаясь на нормандский. - *De bon matin?* Прекрасная погода для этого времени года, не находите?

Результат остался строго нулевым. Дикарь лишь крепче сжал рукоять топора.

- *Guten Tag? Sprechen Sie...* Да чтоб тебя побрал этот пространственный карман! - Тибальт в сердцах всплеснул руками. Его роскошный академический диплом по межведомственным и межкультурным коммуникациям, выданный лично ректором Высшей Школы Волшебства, можно было официально и с почестями смыть в ближайший унитаз. Если бы, конечно, в этом мире существовали унитазы.

Дикарь тем временем, проигнорировав все лингвистические потуги мага, резко вскочил на ноги. В его движениях не было ни капли цивилизованной грации, но присутствовала пугающая пружинистая сила хищника. Он активно, даже яростно зажестичулировал, указывая зазубренным наконечником своего костяного копья куда-то в самую гущу гигантских папоротников. Теперь интонация его хрюканья и щелчков стала предельно понятной без всяких словарей. Она переводилась как: «Сваливаем отсюда прямо сейчас, идиот в синем халате, потому что нам обоим наступает окончательная и необратимая хана!»

Тибальт послушно обернулся.

Сквозь столетнюю зелень, ломая папоротники как сухую солому, проламывалось нечто по-настоящему колоссальное. Земля под их ногами ходила ходуном с такой амплитудой, что мелкая галька на поляне весело подпрыгивала. С сухим, оглушительным треском, напоминающим одновременный залп из десятка мушкетов, ломались вековые стволы цикадовых деревьев. Внезапно в образовавшемся просвете между исполинскими листьями мелькнула серая, покрытая бугристой чешуей морда. Ее челюсти были полуоткрыты, демонстрируя миру безупречный, усаженный в три ряда частокол кинжалоподобных зубов. Каждый зуб по длине вполне мог соперничать с хорошей королевской порцией спаржи на пирах Артура.

Тибальт Огастус Перкинс III, надежда, опора и будущий академик магии королевства Логрия, в эту критическую секунду поступил в строгом соответствии с высшей, фундаментальной логикой выживания, общей для всех разумных существ во Вселенной: он с размаху сел обратно в теплую, пахнущую сероводородом лужу, обхватил голову руками, зажмурился и жалобно, по-детски заскулил:

- О нет... Только не это. Пожалуйста, пусть это будет просто очень плохой, очень реалистичный сон, вызванный несварением желудка...

Его голос предательски дрогнул на последнем слове и окончательно сорвался в сиплый, едва слышный шёпот. Весь ужас его текущего геополитического положения обрушился на него разом единой, монолитной лавиной, подминающей под себя и хоронящей любые надежды на светлое будущее.

Человек в шкурах, по всей видимости, был с этой оценкой ситуации полностью и безоговорочно согласен. Поэтому он немедленно, без лишних церемоний, долгих прощаний и обмена визитками, растворился в кустах папоротника. Сделал он это с такой фантастической скоростью, бесшумностью и грацией, что Тибальт даже не успел зафиксировать фазу движения, просто колыхнулись изумрудные листья, и на поляне на мгновение установилась относительная тишина. Доисторический житель четко усвоил главное правило эволюции: в любой непонятной ситуации лучше не задерживаться ради светской беседы с парнем, который выглядит как идеальная, ярко окрашенная приманка.

А затем за деревьями показалось то, что двигалось.

Существо передвигалось на двух мощных задних лапах, снабженных когтями, способными вскрыть консервную банку размером с рыцарский замок. Его передние конечности, крошечные, двухпалые, нелепо болтающиеся в воздухе где-то на уровне груди, выглядели бы комично на каком-нибудь анимационном шоу, если бы не тот очевидный факт, что всё остальное в этом существе было создано для эффективного, быстрого и безжалостного убийства.

У Тибальта хватило времени подумать. Пока его мозг стремительно затапливала горячая волна чистого, незамутненного цивилизацией животного страха, он незамедлительно принял для себя самое верное решение в своей жизни. А именно, повторить маневр человека в шкурах и тоже исчезнуть с этой поляны к чертовой матери. Правда, в силу полного отсутствия опыта выживания в дикой природе, у него не хватило ума побежать в том же направлении, куда скрылся маленький дикарь. Маленький человек знал этот лес, его тропы, ловушки и места, где можно спрятаться. Тибальт не знал ничего, кроме каталога библиотеки Камелота.

Поэтому маг просто бежал. Он несся напролом, продираясь сквозь папоротники, молясь на ходу всем известным ему богам (а также парочке новых, которых он изобрёл специально для этого случая и пообещал им пожизненные жертвоприношения в виде лучшего эля). Ветки хлестали его по лицу, дорогая синяя мантия с треском рвалась, цепляясь за доисторические колючки, но он не останавливался ни на долю секунды.

На бегу что-то мягко звякнуло и шлёпнулось в папоротники, бронзовая застёжка с левого плеча мантии, та самая, которую вручили при зачислении. Тибальт даже не оглянулся. Страх, этот величайший двигатель прогресса и биологического выживания, придавал его ногам такую фантастическую скорость, которой он сам от себя никогда не ожидал даже на экзаменах по

физподготовке. В глубине души он очень надеялся, что гигантские чешуйчатые ящерицы не считают учеников великих магов деликатесом, или, по крайней мере, брезгают есть людей, от которых так отчетливо пахнет болотной тиной и застоявшейся алхимией.

Глава 4

Сноска №11 (О задержках в пути и духовном багаже):

Межпространственный полет имеет много общего с падением с дуба, за тем исключением, что дуб конечен, а глупость, запустившая процесс, безгранична. Физики утверждают, что время в туннеле перехода искривляется. Психологи добавляют: оно искривляется ровно настолько, чтобы вы успели мысленно переписать свое завещание, вспомнить по именам всех, кому задолжали, и осознать, что ваша карьера пошла не туда еще в детском саду, когда вы согласились сыграть роль бессловесного гриба на утреннике.

Полёт сквозь портал низкого качества занял у Максима и Екатерины ровно столько субъективного времени, сколько требуется среднестатистическому разумному существу, чтобы в мельчайших, леденящих душу деталях вспомнить все свои ключевые жизненные косяки. Хронология ментального покаяния была безупречной: она стартовала от неправильного выбора вуза (Макс в сотый раз проклял день, когда забрал документы с факультета прикладной гидродинамики ради бэкэнда), плавно миновала все неудачные стрижки и триумфально завершалась коллективным решением купить ту злополучную шаурму на привокзальной площади три месяца назад.

Время вокруг них окончательно потеряло остатки приличий, превратившись в липкую, желеобразную субстанцию неоновой цвета. Мимо ушей с глухим свистом проносились сизые энергетические полосы, а барабанные перепонки закладывало от звуков, которые обычно издает старый мешковый пылесос «Урал», когда в его турбину на полном ходу затягивает шерстяной носок.

Макс в этот момент мучительно, на грани архитектурного отчаяния думал о том, что его подготовка к путешествию содержала критическую уязвимость. Трекинговые ботинки из нубука за безумные деньги - да, отличная инвестиция. Но полное отсутствие копеечного складного зонта в рюкзаке, это провал, за который в нормальной конторе лишают годовой премии.

Параллельно где-то на периферии сознания, прямо под лобной костью, свербила странная, несвоевременная мысль. Он вспомнил ту прошлую пятницу в коворкинге на Дмитровской. Катя тогда сидела в наушниках, лениво крутила на пальце прядь волос и жаловалась на падающие охваты. Макс ведь хотел подойти. Хотел сказать ей что-то важное, что-то, что не укладывалось в его привычные сухие алгоритмы. Но момент был упущен ради очередной задачи, и теперь их, судя по нарастающей вибрации, скорее всего, расщепит на субатомные пиксели. В голове коротко мелькнуло: «Ну и идиот».

Сноска №12 (О люминесценции и естественном отборе):

Полезный совет для путешественников по пространственным аномалиям: если вы не хотите стать легким перекусом для сущностей, чьи челюсти эволюционировали ради дробления костей, никогда не выбирайте аксессуары неоновых оттенков. Розовый цвет в дикой природе означает две вещи: либо вы смертельно ядовитая лягушка, либо вы невероятно глупый, но очень приметный десерт. Динозавры, как показывает практика, редко разбираются в амфибиях, но всегда не прочь перекусить пирожным.

Катя тем временем летела рядом в позе испуганной коалы, мертвой хваткой вцепившись в рукав его ветровки. Ее безупречно ухоженные ногти практически пробили мембранную ткань

и уже вплотную близились к мягким тканям Громова, но программист мужественно терпел, понимая, что это единственный физический интерфейс, связывающий их в этой пустоте. В эти секунды Катя истово, с применением сложных конструкций из ненормативной лексики SMM-стратегов проклинала свой любимый ярко-розовый рюкзак. В местной межпространственной темноте этот шедевр китайской легкой промышленности светился ярче, чем люминесцентный буй в ночном океане, превращая свою владелицу в идеальную, высококонтрастную мишень для любых тварей, обитающих между мирами.

Вторым пунктом её ментального плача, затмившим даже страх перед аннигиляцией, был индикатор аккумулятора смартфона. На экране застыла цифра 82%. В условиях наступающего доисторического апокалипсиса без единого внешнего аккумулятора это был не просто низкий уровень заряда это был официальный, не подлежащий обжалованию приговор всей её цифровой идентичности.

Овца неслась рядом с ними в воздухе, но её это, похоже, ничуть не смущало. На морде было абсолютное, дзенское спокойствие, взор ясный и безмятежный. Она явно ни о чём не жалела и, возможно, даже наслаждалась полётом. Овцы вообще устроены проще. Они не склонны к рефлексии и не тратят время на сожаления. Овца просто летела.

Потом их выплюнуло.

Выброс из портала произошёл с сухим, хлестким акустическим хлопком, напоминающим взрыв перегретого пакета с попкорном. Реальность вернулась резко, грубо и без предварительных ласк, как пощечина от разгневанного тимлида. Макс со всего маху приземлился на спину. К его глубокому удивлению, приземление вышло мягким и даже пружинящим. Оказалось, его брэнное тело приняла на себя листовая пластина папоротника, которая по своей площади легко могла соперничать с капотом американского внедорожника.

Вокруг них плотной стеной высились деревья, опознать которые не смог бы ни один академик из МГУ, но Макс, не теряя времени на научные изыскания, сразу присвоил им во внутренней базе данных тег «ГИГАНТСКИЕ_МАТЬ_ИХ_СТЕБЛИ». Воздух здесь был настолько плотным, горячим и влажным, что его, казалось, можно было не вдыхать, а непосредственно пить большими глотками, попутно отфильтровывая зубами споры доисторических грибов.

- Катя! - хриплым, сорванным голосом позвал Макс, отплеываясь от липкой пыльцы и продираясь сквозь шершавую зелень. - Живая? Где ты? Отвечай? Катя!

- Я тут... в каком-то черничнике-переростке, - глухо донеслось справа. Зеленые кусты зашевелились, и оттуда показался растрепанный конский хвост.

- Приземление штатное, местный мох отработал как подушка безопасности. Системы в норме. Все ок!

- Отлично... А теперь, пожалуйста, медленно и без резких движений посмотри наверх.

Макс раздвинул исполинские листья и замер рядом с ней. Катя уже стояла на ногах, на автомате нацелив объектив смартфона в мутное серо-голубое небо. На её лице в этот миг застыла безумная, пугающая маска, в которой в равных пропорциях смешались дикая паника и чистейший, концентрированный блогерский экстаз.

Там, высоко над кронами исполинских араукарий, плавно и величественно рассекал воздушные потоки колоссальный силуэт. Огромные кожистые перепончатые крылья размахом не менее четырех метров с ленивой легкостью удерживали грузную тушу в разреженном воздухе. Вытянутая, аэродинамическая голова существа оканчивалась массивным костяным гребнем, а длинный, похожий на ржавый хирургический зажим клюв был слегка приоткрыт, демонстрируя полное отсутствие зубов, но явное присутствие аппетита. Существо летело по своим делам деловито и сухо, полностью игнорируя двух пришельцев в технологичных шмотках и жующую овцу, которая уже успела пристроиться под ближайшим папоротником.

- Это птерозавр, - на чистом автомате выдал Макс, уходя в свой привычный защитный аналитический режим, спасающий его мозг от окончательного выгорания. - Класс рептилий, отряд летающих ящеров. Судя по гребню - поздний мел.

- Это... это просто невероятный, мать его, кадр! - благоговейно прошептала Катя.

Сухой, отчетливый щелчок цифрового затвора смартфона прозвучал в этих девственных, не знавших человека дебрях как откровенное, циничное святотатство.

- Катя, твою SMM-душу через прокси-сервер! Это хищник! - сорвался на яростный шёпот Громов, хватая её за плечо. - Он весит как хороший мопед! Он может спикировать и утащить твой неоновый рюкзак вместе с твоими охватами и тобой в качестве легкого диетического десерта!

- Макс, заткнись, - отрешённо, словно в трансе, протянула она, не опуская гаджет. - Если меня сожрет настоящая доисторическая рептилия, и я успею нажать кнопку «Опубликовать», этот стрим соберёт миллиард просмотров. Посмертно, Громов! Зато я гарантированно обойду Бузову в трендах. Это же вечный хайп!

- Птерозавры вымерли шестьдесят шесть миллионов лет назад, Волкова! Включи ты свой маркетинговый мозг! Тут некому ставить лайки, вышки связи, судя по пейзажу, появятся примерно никогда!

Огромный ящер сделал прощальный вираж и скрылся за верхушками гигантских деревьев. Катя медленно, словно у нее внезапно сели батарейки, опустила руку с телефоном. Яркий огонёк азарта в её глазах мгновенно погас, уступив место ледяному, липкому и очень тяжелому осознанию объективной реальности.

- Шестьдесят шесть... миллионов? - переспросила она пересохшими губами, глядя на Макса так, словно он только что лично отменил её отпуск.

- Да. Плюс-минус пара сотен тысяч лет на погрешность геохронологических методов датирования.

-То есть... это даже не палеолит? Не мамонты?

- Катя, палеолит - это вчерашний вечер по сравнению с этой локацией. Это мезозой. Золотой век рептилий.

Они синхронно переглянулись. Лица обоих путешественников во времени мгновенно приобрели ровный, качественный оттенок дорогого строительного мела. А между ними, нисколько не парясь по поводу хронологических сдвигов и отсутствия интернета, стояла уилтширская овца и с аппетитным, хрустящим звуком пережёвывала сочный папоротниковый лист, который, возможно, содержал в себе недельную норму токсинов.

- Так, стоп, - Катя резко подняла указательный палец, требуя тишины в студии. - Давай структурируем входящие данные. Очистим лог. Цифра в шестьдесят шесть миллионов это, конечно, полный пиар-катастрофа. Но ответь мне как дипломированный технарь: динозавры. Они здесь? Настоящие? Большие? С зубами?

- С вероятностью в 99.9% - да. Это их официальный, задокументированный таймлайн. Мы у них в гостях, и заметь, без приглашения.

Катя закрыла глаза, сделала глубокий, йоговский вдох через нос, резкий выдох через рот и выпрямилась. В её осанке и голосе внезапно прорезались жёсткие, стальные нотки старшего руководителя проектов, которая способна за задержку дедлайна четвертовать команду дизайнеров с помощью тупого мастихина.

- Ладно. Окей. Проехали. Мы провалились в пространственный портал, сидим задницами в мелу, над нами летают твари из кошмаров палеонтологов. И весь этот цирк начался из-за того, что на нас в тумане напал волосатый носорог со сломанным навигатором.

Макс резко вскинул голову. Он мгновенно зацепился за ошибку в формулировке, привычка опытного человека, живущего в мире, где слова либо точны, либо ломают всё.

- Секунду. Шерстистый носорог - это эпоха плейстоцена. Четвертичный период. Ледниковый период, понимаешь? Они появились на Земле на десятки миллионов лет позже того, как последний птерозавр превратился в нефть! Они физически, биологически не могли находиться в одной экосистеме!

- И что этот твой системный сбой означает на понятном русском? - нахмурилась Катя.

- Это значит, что этот чертов портал не линейный лифт во времени, который просто опустил нас на нужный этаж истории. Это поломанный, криво написанный скрипт, который намертво перепутал базы данных! Это темпоральный винегрет, Катя! Пространственный коллаж, слепленный с закрытыми глазами! Временные слои схлопнулись в один котёл. Здесь перемешано всё подряд, и это ничем хорошим не кончается. Мы можем встретить за ближайшим кустом кого угодно, от докембрийского трилобита до неандертальца с высшим образованием!

- Мы в глубокой, беспросветной жо..., опасности, Макс!

- Я в курсе, Волкова! Капитан Очевидность одобряет твой аудит!

- И какой у нас алгоритм действий?! План эвакуации?!

Макс глубоко выдохнул, принуждая себя мыслить холодно и по существу. Желваки на челюсти заходили ходуном, выстраивая логическую цепочку:

- Системный подход. Декомпозиция сложной задачи на простые подзадачи. Пункт первый: оценка рисков и сканирование периметра. Пункт второй: поиск защищенного укрытия и питьевого ресурса. Пункт третий: генерация обратного пути и поиск точки деплоя.

- Пункт первый: остаться в живых, - жестко добавила Катя.

- Это не обсуждается, это уже внутри самих условий задачи, - отрезал программист.

- Нет уж, Громов, я требую вынести его отдельной, жирной строкой в наше техническое задание! Пункт первый: не сдохнуть в процессе. Точка. С восклицательным знаком.

- Хорошо, внес правки в ТЗ, - сдался Макс. – Еще предложения?

- Найти ту криворукую скотину, которая устроила этот несанкционированный апдейт реальности, и провести с ней быстрый, безжалостный физический рефакторинг лица, - Катя сжала маленькие кулаки, хрустнув пальцами.

Сноска №13 (О внезапных появлениях магов):

Молодые волшебники обладают уникальным даром появляться в пространстве с максимальным уровнем шума и минимальным уровнем грации. В то время как великие маги материализуются посреди залы в клубах благородного дыма и под раскаты грома, подмастерья обычно вываливаются из кустов лицом в грязь, попутно теряя обувь, достоинство и остатки авторитета.

В самый разгар этого стратегического планирования, словно в ответ на Катин запрос к мирозданию, густые кусты папоротника справа с треском и шумом раздвинулись. Из них, совершив в воздухе нелепое, антинаучное сальто, кувырком вылетел молодой парень.

Его внешний вид мгновенно поверг издавших виды московских айтишников в глубокий, непроходимый ступор. На незнакомце был надет измазанный во всех видах болотной грязи синий шелковый халат, точнее, мантия, со следами явных термических прожогов на подоле. На голове парня красовалось чудовищно помятое, конусообразное сооружение, отдаленно напоминающее остроконечный колпак. Лицо бедолаги выражало такую предельную степень панического ужаса, какую обычно можно увидеть у студента-прогульщика, который случайно забрел на пересдачу к самому лютому и нетрезвому профессору кафедры высшей математики.

Заметив Макса и Катю, новоприбывший замер на четвереньках. Животный ужас на его физиономией на секунду уступил место робкой, детской надежде.

- О великие боги Мерлина! - вдруг заорал он на каком-то диком, гортанном наречии, которое Макс отдаленно напомнило смесь латыни и звуков ломающегося дисковод.

Затем парень судорожно, как безумный дирижер, покрутил пальцами в воздухе, словно настраивая невидимый графический эквалайзер. Пространство вокруг его губ слегка дрогнуло, и он выдал на чистейшем, безупречном русском языке, пусть и с легким, утонченным старомодным акцентом:

- Люди! Живые, настоящие, цивилизованные люди в приличных одеждах! Заклинаю вас всеми силами эфира, скажите: у вас есть с собой обратный свиток телепортации высшего круга?! Или хотя бы координаты Камелота?!

Макс мгновенно сделал быстрый шаг вперед, заслоняя Катю своим телом по всем правилам тактического отступления. Его серые глаза сузились до размеров двух снайперских прорезей.

- Так, я не понял, - процедил Громов. - Ты кто такой вообще, чудо карнавальное?

- Я - Тибальт! Тибальт Огастус Перкинс III! Официальный подмастерье и надежда Высшей Школы Волшебства! - с внезапно проснувшейся гордостью (правда, изрядно увядшей под тяжестью обстоятельств) представился парень, судорожно поправляя свой помятый колпак. - А это заклинание синхронного перевода ментальных полей, я его немного пропатчил под нестандартные условия... Вы... вы тоже провалились через этот проклятый разрыв?

- Так это ТЫ открыл этот шлюз?! - Катя решительно вышла из-за спины Макса. Ее зеленые глаза в этот момент обещали Тибальту долгую, изощренную и очень болезненную смерть. - Это твоих рук дело, аниматор, ты, недоделанный?!

- Ну... технически, моя финальная курсовая инициация... - Тибальт несчастно втянул голову в плечи, став похожим на нашкодившего кота. - Я просто немного перепутал сорок седьмую и сорок восьмую страницы в гримуаре наставника. Я хотел открыть проход в седьмой курортный сектор Параллельных Реальностей, там только безобидные пушистые кролики, легкий бриз и фруктовые деревья...

- И вместо курорта с кроликами ты устроил глобальный темпоральный коллапс системы, смешав в один поток ледниковый период, мел и хрен знает что ещё! - рывкнул Макс, хватаясь за голову. - Ты хоть отдаешь себе отчет, куда ты нас закинул, Гарри Поттер, ты дефективный?

- Куда...? - с трудом сглотнул слюну Тибальт, пятясь назад.

- На шестьдесят (!) шесть (!) миллионов (!) лет назад. В золотую эру гигантских ящер-людоедов, у которых зубы размером с твою академическую шляпу!

Ученик мага моргнул раз, другой, третий. Его губы беззвучно зашевелились, совершая в уме сложные математические операции, призванные переварить порядок названных цифр. В Камелоте самыми большими числами были ежегодные налоги короля Артура, но даже они, при всей их грабительской сущности, никогда не исчислялись миллионами.

- Шестьдесят... шесть... миллионов? - Лицо Тибальта стремительно приобрело канонический оттенок свежеевыстиранного похоронного савана. - Это... это что же, длится дольше, чем строился главный замок великого Утера Пендрагона?

- Это длится примерно в несколько тысяч раз дольше, чем вообще существует вся цивилизация вместе с твоим Пендрагоном, его столом и его замком, - отрезал Макс с безжалостностью системного администратора.

- Ой мамочки... пресвятая Гвиневра... - прошептал юный маг, чувствуя, как колени превращаются в желе, и медленно оседая прямо в мокрую доисторическую траву. - Это... кажется, это слегка превышает мои текущие академические полномочия и учебный план.

- Слегка?! - Катя окончательно потеряла остатки своего хваленного самообладания. Она подскочила к несчастному подмастерью, яростно потрясая перед его носом своим неоноворозовым рюкзаком, словно использовала его в качестве холодного оружия. - Ты запер нас в доисторическом зоопарке без вольеров! У нас нет припасов, нет оружия, нет еды, и связь на абсолютном нуле!

- Связь? - Тибальт с благоговейным, почти религиозным ужасом уставился на светящийся экран смартфона в её руке. Гаджет в этот момент отображал обои с котиком и предательские 81% заряда.

- Сети! Интернета! Связи! - Катя практически ткнула телефоном в его длинный нос. - Видишь эту шкалу? Ноль делений! Пустота!

- Что это за удивительный светящийся артефакт древних богов? - восторженно прошептал Тибальт, мгновенно позабыв про миллионы лет.

- Это телефон, кудесник, ты недоученный! И этот артефакт превратится в бесполезный кусок пластика через пару дней, потому что розетки сюда еще не завезли! - орала Катя.

Тибальт осторожно, с величайшим трепетом протянул указательный палец к мерцающему экрану, но вовремя отдернул руку:

- Потрясающе... Чистая магия. Карманное зеркало, отражающее чужие миры и работающее без привлечения маны или крови девственниц... Великий наставник Мерлин никогда мне не поверит. Если, конечно, мы вообще вернемся в каморку...

- Знаешь что, парень, слово «если» мне категорически не нравится на уровне архитектуры проекта, - Макс сделал шаг вперед и жестко, без лишних сантиментов перехватил мага за шиворот его грязной мантии, приподнимая вверх. - Ключевой вопрос, от которого зависит целостность твоей черепной коробки: как это исправить? Как вернуть нас обратно? Где заклинание возврата? Выкладывай.

Тибальт несчастно шмыгнул носом, став похожим на побитого первокурсника:

- В каморке... На дубовом столе. Книга заклинаний осталась там... открытая. Рядом с кипящим тринадцатым котлом...

На поляне воцарилась звенящая тишина, что было отчетливо слышно, как огромный доисторический комар размером со шмеля пытается с разгона прокусить высокотехнологичную мембрану на ботинке Макса. Даже овца в этот момент перестала жевать свой папоротник и посмотрела на Тибальта долгим, осуждающим взглядом.

- Ты. Оставил. Инструкцию. Дома. - По слогам, с интонацией робота-убийцы произнес Макс. Голос его опустился до минимальных температур.

- Ну да... И котёл на открытом огне, - совсем тихо пропищал маг, вжимаясь в землю. - Если мое экспериментальное зелье от перхоти и облысения перегреется выше критической отметки, оно выделит пары депиляции... Наставник Мерлин останется без своей легендарной бороды. А он за нее, поверьте мне, может превратить меня в слизня на вечные времена...

- ДА ПЛЕВАТЬ НА ЕГО БОРОДУ!!! - в два голоса, сорвав связки, взвыли Макс и Катя.

Этот яростный дуэт заставил стаю мелких разноцветных рептилий с истошными криками взлететь с ближайшего куста цикадовника.

Сноска №14 (О теории пространственных воронок):

Пространственные дыры работают по принципу коммунальной квартиры: неважно, из какой комнаты вы вышли - из благородной гостиной Камелота или из туманного туалета в Уилтшире. Если трубу прорвало, то все жильцы рано или поздно встретятся в одном и том же общем коридоре, по колёно в воде, выясняя, кто забыл закрыть кран.

- Кстати, - поспешно сказал Тибальт с видом средневекового колдуна, которому жизненно необходимо прямо сейчас переключить внимание инквизиции на другую тему. - Вы, вероятно, задаётесь логичным вопросом, как так вышло, что мы все трое оказались в одной географической точке. Мой портал открылся в Камелоте, а вы, как я понял, вошли в свое марево на холмах Уилтшира. Это не случайность. Мой разрыв и ваш это один и тот же темпоральный свищ, просто с двух разных концов. Главный излом в ткани пространства-времени

один, а выходов у него несколько. Как одна большая сливная воронка, в которую затягивает разные потоки воды из разных раковин.

Все трое помолчали, переваривая эту гидродинамическую метафору.

- Ладно, - тяжело выдохнул Макс после долгой паузы, которая помогла ему сохранить последние крупинки рассудка. - Формализуем задачу. Проведем, так сказать, декомпозицию. Факт первый: мы в хронологической мешанине мелового периода в компании динозавров. Факт второй: учебник по администрированию порталов остался там, в твоей каморке. Факт третий: без учебника ты портал обратно открыть не в состоянии.

- Но ведь Тибальт может попробовать поколдовать по памяти? - с надеждой предложила Катя, всё ещё судорожно сжимая в руке смартфон.

- По памяти я не очень... - честно признался Тибальт, ковыряя пальцем грязь на мантии.

- Это была страница сорок семь, а я её не очень внимательно читал, потому что думал, что экзамен будет по сорок восьмой, а сорок восьмая у меня была законспектирована на лекции, но там сложная история с нумерацией глав и косяками переписчиков...

- Остановись, - решительно оборвал его Макс. - Когда ты учился открывать порталы, ты разве не проходил практические тесты?

- Проходил, - пробормотал Тибальт. - Но всегда с открытым первоисточником на подставке. Наставник постоянно твердил, что я обязан выучить базовые формулы наизусть, но я... немного откладывал это занятие на потом. В библиотеке было столько других, куда более интересных заклинаний... и рецептов зелий... и вообще...

- Позвольте полюбопытствовать, а финальный экзамен у тебя когда, великий наш академик?

- Через неделю, в следующую луну.

- Замечательно, - подытожила Катя, и её голос был полон такого концентрированного, токсичного сарказма, что им можно было бы без труда заправлять автомобильные аккумуляторы. - Нас гарантированно сожрут динозавры. Без вариантов.

В качестве идеального, своевременного подтверждения этих слов, земля под их ногами мелко, но очень ощутимо дрогнула. Раз. Два. Три. Каждый следующий толчок был чуть сильнее, глубже и тяжелее предыдущего. Вода в ближайшей луже пошла идеальными концентрическими кругами - в точности как в том старом фильме, который Макс смотрел в детстве.

- Это... это что? - шёпотом спросила Катя. Ее лицо стремительно бледнело, стирая остатки румянца.

- Шаги, - так же тихо, практически одними губами ответил Макс, инстинктивно приседая ближе к папоротникам.

- Чьи шаги, Громов?!

- Кого-то очень тяжелого. Очень. Несколько десятков тонн сухого веса.

- Может быть, это просто очень крупная боевая лошадь? - с робкой надеждой предположил Тибальт. - В Камелоте у сэра Ланселота бывали весьма крупные тяжеловозы...

Из-за стены гигантских папоротников величественно и плавно, словно океанский лайнер, выплывающий из утреннего тумана, показалась голова.

Голова эта была размером с хороший городской хэтчбек. Она покоилась на невероятно длинной, гибкой шее, которая, плавно изгибаясь змеей, уходила куда-то высоко вверх, теряясь в изумрудных кронах деревьев. Голова принадлежала существу, для описания которого у юного мага Тибальта в лексиконе не нашлось вообще никаких слов, кроме текста заупокойной молитвы.

- Это брахиозавр, - выдохнул Макс, чувствуя, как восхищение на секунду побеждает страх. - Подотряд зауроподов. Травоядный гигант. Не опасен для человека, если, конечно не наступит на него.

Огромная голова существа с удивительной грацией повернулась в их сторону. На трех замерших путешественников уставился колоссальный глаз. Тёмно-карий, глубокий, обрамлённый длинными, жесткими ресницами, он походил на перевернутое чайное блюдце. В этом взгляде было вековое и почти мудрое любопытство сытого вегетарианца.

Голова плавно опустилась чуть ниже, аккуратно захватила мощными челюстями охапку сочных листьев с верхушки араукарии, поднялась обратно в поднебесье и начала методично, с громким хрустом пережёвывать доисторическую зелень.

- Он... он просто ест дерево, - пролепетал Тибальт дрожащим голосом, падая ниц.

- Да. Листья. Я же сказал - он веган, - подтвердил Макс.

- Но он... он размером с королевский донжон!

- Один из крупнейших наземных организмов в истории планеты Земля. Тебе повезло, парень, ты видишь живую легенду.

Катя стояла рядом с телефоном наготове, но почему-то впервые за свою блогерскую карьеру не нажимала на кнопку спуска. Она просто смотрела. В её взгляде произошла удивительная метаморфоза, из него полностью исчез азарт охотника за контентом. Это был взгляд человека, который неожиданно для самого себя оказался лицом к лицу с первозданным, величественным чудом мироздания.

- Знаешь, Макс... Никто. Вообще никто и никогда в истории нашей цивилизации не стоял вот так, в метре от живого брахиозавра. Мы первые. До нас этого не видел ни один человек.

Макс внимательно, с мягкой улыбкой посмотрел на её профиль:

- Ты что, серьезно умудряешься находить в этом кошмаре позитивные стороны?

- По крайней мере, я очень стараюсь, Громов. Иначе я просто сойду с ума.

- Катя, я все понимаю, но нам по-прежнему нужно найти безопасное убежище, пресную воду, еду и способ вернуться в наш двадцать первый век.

- Знаю, - она решительно кивнула и повернулась к нему. - Но сначала - один единственный снимок. Для истории. Даже если его никто никогда не увидит.

Она протянула смартфон Тибальту. Тот взял светящийся гаджет обеими руками, словно это была величайшая святыня или нестабильная магическая бомба. Там, в цифровом видеоискателе, Макс и Катя стояли плечом к плечу у подножия жующего гиганта. В этот миг юный маг почувствовал, как внутри него рушится старый мир: эта технология пришельцев была сродни высшей магии, но работала без единого слова заклинания.

- Сюда смотреть, о повелители зеркал? - робко спросил он, поднося телефон практически к самому носу и чуть не задевая экран колпаком.

- Смотри на экран. Да. Руки зафиксируй и не трясись, пожалуйста. Чуть выше понимами.

Сухой щелчок.

В кадре навсегда застыли: Катя с неподдельно искренней улыбкой, Макс, который одновременно осознавал всю монументальную нелепость происходящего, но не мог сдержать ответной улыбки, и на заднем плане, в безупречном, идеальном фокусе невероятно обаятельный брахиозавр, жующий ветку. Его огромный глаз был направлен прямо в объектив.

Это был бы, без сомнения, лучший, самый кассовый пост в истории мирового интернета. Если бы здесь был интернет. И если бы хоть один человек в мире поверил, что это не фотошоп.

Они еще не знали, что эта встреча лишь скромный, ознакомительный тизер. Настоящие, опасные приключения и хищные динозавры ждали их впереди, за следующим поворотом каньона. Как и настоящие, взрослые проблемы.

А где-то далеко-далеко, в захлавленной каморке на окраине Камелота, в пустом деревянном кресле у потухающего камина, великий наставник Мерлин слегка пошевелился во сне, нахмурился, громко всхрапнул, почесал бороду - и снова затих.

В тринадцатом котле на медленном огне продолжало лениво бурлить зелье от перхоти. Оно уже начинало подозрительно и едко смердеть серными парами, но у путешественников во

времени был еще примерно один час, прежде чем ситуация в Камелоте примет по-настоящему катастрофический и необратимый оборот.

Глава 5

Сноска №15 (О выживании, здравом смысле и шведских столах):

Вселенная - штука на редкость экономная, чего никак нельзя сказать о людях, в неё попавших. Большинство разумных рас, оказавшись лицом к лицу с бездной пространства и времени, первым делом совершают две вещи: впадают в экспрессию и начинают лихорадочно проверять карманы. Психологи утверждают, что это защитный механизм. Когда вокруг вас рушатся законы физики, а над головой летают твари, способные проглотить ваши кухонный гарнитур вместе с микроволновкой, обнаружение в кармане полупустой пачки мятных леденцов способно вернуть вам веру в торжество цивилизации. Динозавры, разумеется, смотрят на этот процесс иначе. С их точки зрения, любое разумное существо, пусть и прибывшее из будущего - это просто очень сложно упакованный, но крайне питательный белок.

Первые три часа в меловом периоде, точнее, в том темпоральном винегрете, куда их соизволила выплюнуть дефективная курсовая работа Тибальта, прошли в атмосфере, которую любой кризис-менеджер назвал бы «конструктивным ступором». Это было то самое уникальное время, когда ужас дикой эпохи уже исчерпал свой лимит на истерику, а мозг, устав содрогаться от несправедливости бытия, лениво переключился в режим: «Ладно, нас заперли в террариуме. Давайте хотя бы проверим, что у нас на балансе».

Максим взял на себя функции верховного главнокомандующего. Сделал он это не из-за врожденного комплекса мессии, а потому, что вид неструктурированного хаоса причинял его программистской душе почти физическую боль. Его лицо в эти минуты выражало ту степень суровой решимости, с какой капитан тонущего межгалактического лайнера сообщает пассажирам, что правый двигатель только что аннигилировал, но на борту всё ещё работает караоке-автомат. Системный подход - это лучшее снотворное для паникующего рассудка. Если у тебя есть список задач, пускай даже первым пунктом там значится «Постараться не стать обедом для тираннозавра», ты уже чувствуешь себя деловым человеком, а не просто куском мяса в технологичной одежде.

Катя тем временем ушла в глухую, профессиональную оборону, известную в её кругах как «хроника пикирующего блога». Она фотографировала. Это был её личный, проверенный годами способ ментального аутсорсинга: если мир вокруг тебя превращается в полотно Босха, просто наведи на него камеру и сделай экспозицию чуть светлее. Она фиксировала всё, до чего мог дотянуться объектив: исполинские доисторические папоротники, узоры на коре деревьев, похожие на древние руны, и Макса, чьё озабоченное лицо идеально подошло бы для обложки журнала «Технический сбой и как с ним бороться».

Индикатор батареи смартфона, упрямо демонстрирующий 81%, оставался для неё последним бастионом старой, доброй реальности, где существовали утренний латте, подписки и таргетированная реклама. Пока горел экран, Катя верила, что её цифровая идентичность всё ещё имеет вес в этой глуши, где из всех подписчиков были только споры плаунов и один очень любопытный птерозавр.

Перкинс III являл собой классическое зрелище мага, который только что осознал разницу между теорией струн и практикой натягивания этих струн на собственную шею. Он несчастно топтался у корней исполинского дерева, а на его лице, как в плохом театре, сменяли друг друга три основные гримасы: глубокое академическое раскаяние («надо было всё-таки дописать конспект»), панический страх перед профсоюзом волшебников («если Мерлин узнает, он перепишет моё существование в формате сжатого архива») и тихая обида на то, что эти два стран-

ных человека из будущего не ценят его тонкую душевную организацию. Периодически юноша отходил за ближайший папоротник, делал загадочные пассы руками, похожие на попытку поймать невидимую муху, и что-то шептал. Результаты его магии, впрочем, отличались завидным постоянством: пространство либо выдавало сизый, дурно пахнущий дымок, либо издавало звук «пфуи», либо пахло горелой обложкой от паспорта. После каждого такого фиаско подмастерье возвращался к лагерю с выражением лица спаниеля, который очень хотел принести палку, но не нашел ее.

- Итак, коллеги по несчастью, - угрюмо произнес Макс, опускаясь на поваленный ствол.

Дерево, судя по его трехметровому диаметру и слою мха толщиной с хороший матрас, застало ещё те времена, когда планета Земля только-только определялась с дизайном материков. Ствол идеально подходил на роль оперативного штаба.

- Начнем инвентаризацию. Вытряхивайте карманы, буквально и переносно, и выкладывайте всё на этот лист.

Катя аккуратно расстелила лист папоротника размером с простыню, превратив его в импровизированный стол для переговоров. Процесс потрошения рюкзаков напоминал раскопки цивилизации, которая слишком полагалась на розетки.

Из розовых недр Катиного рюкзака на свет божий явились: Смартфон (80% заряда, статус «Поиск сети» горел с упрямством обреченного).

Внешний аккумулятор (тяжелый, матовый и полный - Катя прижала его к груди так, словно это был последний младенец на Земле).

Косметичка (содержимое которой могло бы озадачить любого антрополога).

Складная расческа и упаковка влажных салфеток с ароматом лаванды (тридцать штук - теперь это был их единственный шанс пахнуть как цивилизованные люди перед лицом неминуемой гибели).

Бутылка воды объемом 0,5 литра.

Ярко-желтый дождевик (в местной зелени он гарантировал владельцу статус самой заметной закуски в радиусе пяти миль).

Моток тонкой бечевки, оранжевый мультитул с семью функциями (включая открывашку для пива), блокнот в твердой обложке (мама сунула в рюкзак в последний момент со словами «пригодится», и Катя, разумеется, закатила тогда глаза), ручка и - жемчужина коллекции - две слегка подтаявшие шоколадные конфеты, извлеченные из кармана джинсов.

- Даже не думай комментировать лавандовые салфетки, Громов, - сурово оборвала она Макса, заметив его скептически поднятую бровь. - Это базовая комплектация. Рефлекс городской женщины. Если мы обречены умереть в мезозое, я хочу сделать это с чистой кожей и легким ароматом прованских трав.

- Конфеты, - Макс деликатно взял двумя пальцами блестящие фантики, словно это были урановые стержни.

- Положи на место и не дыши на них, - предупредила Катя. - Это на черный день.

- Катя, мы провалились на шестьдесят шесть миллионов лет. Вокруг нас летают рептилии размером с кукурузник. Сегодня не просто черный день. Сегодня - экзистенциальная полночь нашей расы.

- Значит, это на «совсем» черный день. Когда у нас кончатся салфетки.

Макс вздохнул и выложил свои карты на папоротник. Его комплект выглядел чуть более утилитарно: телефон (67%), светодиодный фонарик (три режима яркости, включая режим «стробоскоп», который мог бы здорово разозлить или рассмешить местную фауну), ключи от квартиры в Чертаново (верх бесполезности, хотя вид брелока с логотипом компании вызвал у Макса мимолетную судорогу ностальгии по совещаниям в Zoom), кожаный бумажник с пластиковыми картами и купюрами в евро, бутылка воды (0,7 литра), походная аптечка и... маленькая пластиковая зажигалка.

Когда зажигалка со стуком упала на зеленый лист, время в лесу, казалось, совершило еще один кульбит и замерло. Все трое уставились на этот крошечный кусочек оранжевого пластика с такой благоговейной мистической дрожью, словно Макс только что извлек из кармана Священный Грааль или, как минимум, оригинал Декларации Независимости. У Тибальта округлились глаза. Катя перестала жевать травинку. Даже уилтширская овца, до этого флегматично инспектировавшая местный мох на предмет съедобности, замерла и наострила уши.

- Зажигалка, - прошептал Макс, и в его голосе прорезались нотки верховного жреца культа Огня. - Наш главный системный ресурс. Наш контрольный пакет акций в этом бизнесе под названием «Выживание».

- А в чём магия этого крошечного артефакта? - Тибальт наклонился так близко, что его остроконечный колпак едва не смахнул салфетки. - Внутри заперт огненный элементаль? Маленький саламандровый дух?

- Внутри заперт сжиженный бутан под давлением, Перкинс. Но для нас это - жизнь. Огонь - это тепло, это горячая вода без паразитов. Без огня наша история в этом мире кончится уже к утру.

- К утру...? - лицо Тибальта вытянулось, став длиннее его колпака. - Мы... мы что, планируем провести здесь ночь? Настоящую ночную смену? В темноте?

- Если ты прямо сейчас не извлечешь из глубин своего нелинейного сознания оставшиеся три четверти заклинания возврата - то да. И судя по твоей текущей производительности, мы тут оформим постоянную прописку. Итак, Тибальт, ты у нас единственный сертифицированный провайдер магии. Каков твой план по деплою обратного портала?

Наступила долгая, тяжелая пауза, нарушаемая лишь хрустом папоротника, который овца продолжала уничтожать с упорством газонокосилки. Подмастерье несчастно опустил голову и принялся с интересом изучать носки своих грязных башмаков, словно там был написан правильный ответ.

- Понимаете... - промямлил он. - Заклинание Великого Темпорального Сдвига - это магия Высшего Круга. Третий курс, продвинутый уровень, лекции по пятницам после обеда. Я его... ну, читал. Приблизительно.

- «Приблизительно» в программировании - это когда код не компилируется, и всё взрывается, - сухо заметил Макс. - В процентах от общего объема текста это сколько?

- Ну... если брать чистый синтаксис... где-то четверть. Самое начало, там, где призыв сил эфира и вежливое приветствие хранителей времени, и самый конец - подпись, дата, финальное «Аминь». Середину с формулами пространственной стабилизации и геокоординатами Камелота я планировал подучить на выходных. Перед экзаменом. У меня ведь и время было, и учебник...

Макс закрыл глаза, сделал глубокий, очищающий вдох по методике борьбы с выгоранием и медленно выдохнул.

- Отлично. Ситуация штатная, проект находится в стадии полной... кхм, дезорганизации. Стратегический план выглядит так: пока наш магический стажер пытается активировать спящие ячейки памяти, мы с Катей организуем базовую инфраструктуру. Приоритеты первого уровня: питьевая вода, огонь, безопасный периметр.

- Напоминаю про пункт первый: «Не сдохнуть», - строго вставила Катя, подняв указательный палец. - Требую контролировать этот показатель в реальном времени.

- Он включен в первые три пункта как неизменяемая константа.

- Нет уж, Громов, я знаю ваши айтишные штучки. Вы забудете обновить этот параметр, и система нас отформатирует. Вынеси его на панель уведомлений. И пункт пять: когда мы вернемся, я лично запру Тибальта в камерке и не выпущу, пока он не вызубрит свой гримуар от корки до корки.

- Это уже постпроектная поддержка, согласен, - кивнул Макс. - Все за работу. Сбор ресурсов объявлен открытым.

Сноска №16 (О гидродинамике и палеолитической кулинарии):

Большинство городских жителей твердо убеждены, что вода берется из крана, а огонь - из плиты. Столкнувшись с суровой реальностью дикой природы, они с удивлением обнаруживают, что вода в открытых водоемах кишит существами, чья единственная цель в жизни - устроить в вашем кишечнике филиал ада, а разведение костра без сухого спирта это искусство, граничащее с тяжелым психическим расстройством. В такие моменты магия начинает казаться весьма конкурентоспособным стартапом.

Источники пресной воды они обнаружили всего через двадцать минут интенсивного продиранья сквозь юрские заросли. Это был небольшой, удивительно живописный ручей, весело журчащий по кремнистому руслу. Вода в нем выглядела прозрачной, как слеза младенца, но Макс, начитавшийся в детстве правильных книжек, прекрасно знал: в этой слезе сейчас могут плавать споры грибов, способных превратить внутренние органы человека в качественный кисель. Над водой лениво порхали странные насекомые с огромными переливчатыми крыльями - возможно, самые первые, экспериментальные прототипы бабочек, выпущенные эволюцией ограниченным тиражом.

- Нужно организовать термическую обработку, - авторитетно заявил Макс, разглядывая ручей. - Прокипятить. Но у нас проблема с тарой. Котелка в инвентаре нет.

- У нас есть пластиковые бутылки, - предложила Катя.

- Пластик расплавится быстрее, чем вода нагреется до пятидесяти градусов, Катя. К тому же при нагревании он выделит такое количество диоксинов, что динозаврам останется только прийти и забрать наши готовые трупы. Нужен метод горячих камней. Древняя технология, уровень - ранний палеолит. Нагреваем голыши в костре до красна, а потом аккуратно бросаем в воду. Вода закипает изнутри.

Макс огляделся по сторонам, оценивая объемы горючего материала.

- Зажигалка, твой выход. Собираем сухой мох, сучья, кору. Нам нужен качественный, высокотемпературный костер.

Следующие полчаса превратились в состязание между человеческим упрямством и мезозойской влажностью. Местный мох, несмотря на внешнюю сухость, внутри напоминал мокрую губку. Макс чиркал зажигалкой, колесико послушно выдавало снопы искр, бутановое пламя лизало древесину, но мох лишь лениво шипел, выпускал струю едкого белого дыма и гас, оставляя программиста наедине с его расширяющимся лексиконом нецензурных выражений.

Тибальт, всё это время уныло бродивший рядом и собиравший ветки с видом оскорбленного в лучших чувствах лорда, наконец не выдержал.

- Извините... - робко подал он голос, переминаясь с ноги на ногу. - Но ведь я... я умею вызывать маленький огонь. Это программа первого семестра. «Бытовое искрение и розжиг очагов». Нас всех заставляли сдавать этот зачет профессору Флитвику...

Макс замер с зажигалкой в руке и медленно повернул к нему голову:

- Ты хочешь сказать, что мы тут тридцать минут уничтожаем мой бутановый ресурс, пока ты стоишь рядом с готовым файерволом в кармане? Давай, демонстрируй свой код, Гарри.

Тибальт заметно приободрился. Он вышел вперед, картинно одернул свою многострадальную синюю мантию, сдул с глаз папоротниковый лист и принял позу великого триумфатора. Его пальцы совершили в воздухе сложную, плавную фигуру, напоминающую синусоиду, губы беззвучно зашевелились, транслируя в эфир древние латинские корни, после чего маг резко, с сухим щелчком пальцев, ткнул указательным пальцем в кучу мокрого мха.

Бум.

Мох не просто загорелся - он полыхнул с такой яростной, жизнерадостной силой, словно его предварительно облили тремя литрами авиационного керосина. Столб чистого оранжевого пламени взметнулся вверх на полметра, обдав путешественников волной приятного сухого тепла. Катя от неожиданности взвизгнула и отпрянула назад, чуть не уронив расческу, а Макс лишь уважительно присвистнул, прикрывая лицо ладонью от яркого света.

- Ну вот! - на лице Тибальта расцвела улыбка такой космической ширины, что на ней могли бы уместиться все рыцари Круглого Стола. - А вы говорили - недоучка! Наставник всегда отмечал, что у меня врожденная склонность к пиротехнике и легким поджогам. На практических занятиях у меня вечно сгорали столы...

- Это... это системный прорыв, Тибальт! - Макс подошел и с размаху хлопнул мага по плечу, отчего тот чуть не сел в мох. - Приношу свои извинения за некорректный аудит твоих способностей. Объявляю тебя официальным Хранителем Очага. Твоя магия огня - это наш главный жизнеобеспечивающий плагин. Катерина, внесите изменения в протокол!

Юный волшебник буквально засветился от гордости. Вся его тоска, всё грызущее чувство вины за уничтоженную бороду Мерлина и сломанный пространственный континуум мгновенно испарились, уступив место чистому, детскому восторгу от осознания собственной полезности.

Процесс кипячения воды методом горячих камней, впрочем, вернул их на землю. Это было долго, шумно и сопровождалось колоссальным количеством мелкого травматизма. Макс дважды обжег пальцы, пытаясь удержать раскаленный гранит оранжевым мультитулом; Тибальт едва не уронил дымящийся булыжник себе на ногу, устроив локальный филиал танцев у костра, а Катя стояла на безопасном расстоянии и руководила процессом с интонациями опытного режиссера-постановщика: «Левее бери! Кидай аккуратно, не расплескай! Макс, у тебя сейчас рука сторит, бросай!». Тем не менее, через час у них в распоряжении было почти полтора литра мутной, пахнувшей горелым камнем, но гарантированно стерильной жидкости.

Именно тогда и случилось то, чего Катя боялась больше тираннозавра. Она перегнулась через ствол, пытаясь дотянуться до очередного раскаленного камня, смартфон выскользнул из нагрудного кармана и с тихим плеском ушел на дно ручья. Восемьдесят один процент заряда. Экран вспыхнул ядовито-зеленым, выдал прощальную строчку системной ошибки на корейском и погас.

Катя вытащила его из воды и смотрела на мертвый кусок стекла и пластика, в котором только что утонули тридцать тысяч подписчиков, три года стратегий, брендбуки, охваты и вся ее тщательно сконструированная, безупречная цифровая жизнь. Мир вокруг мгновенно потерял пиксели и стал пугающе, оскорбительно трехмерным.

Катя уставилась на пустой экран. Трагедия была не в том, что упали охваты. Охваты это просто цифры, которые SMM-менеджеры придумали, чтобы не сойти с ума от осознания того, что они продают пустоту людям, у которых уже есть три телевизора. Трагедия крылась в черной глянцевой поверхности смартфона. В мирные времена этот кусок стекла служил Кате идеальным щитом от реальности. Когда мир вокруг становился слишком громким, слишком навязчивым или, что еще хуже, требовал от нее искренности, она просто поднимала этот щит, выставляя между собой и вселенной фильтр «Теплый винтаж». Сквозь него даже самое унылое Чертаново выглядело как парижский пригород, а одиночество превращалось в эстетичный «Тайм-аут для рефлексии». Теперь щит погас, оставив её один на один с древней Англией, туманом и Грозовым, от которого нельзя было откупиться лайком.

- Ну вот и всё, - тихо сказала она, положив аппарат на мокрый мох. - Канал удален за нарушение правил пространственного континуума.

Тибальт открыл рот, чтобы выразить соболезнования насчет светящегося артефакта, но Макс коротким жестом дал понять: не сейчас.

Макс подошел сзади, сел рядом на корточки. Он ожидал истории, SMM-паники, чего угодно. Но Катя просто сидела, глядя на свои ладони, испачканные доисторической сажей.

- Знаешь, Громов, - не оборачиваясь, глухо произнесла она. - Я ведь три года не смотрела на закат без мысли, какой фильтр к нему подойдет.

Макс молчал. Как программист, он знал, что делать, когда падает сервер. Но он понятия не имел, какие слова говорить, когда у человека рушится его персональная вселенная. Он осторожно протянул руку и накрыл ее ладонь своей.

- Мы восстановим твой телефон, Волкова, - негромко сказал он. - Обещаю. Вернемся и наберем тебе миллион подписчиков. Напишем, что это был самый масштабный иммерсивный тур в истории.

Катя слабо шмыгнула носом и впервые за день посмотрела на него без своего привычного защитного скепсиса.

- Ловлю тебя на слове, Громов.

Она открыла рюкзак, достала помятый блокнот в твердой обложке и обычную шариковую ручку. На первой странице быстрыми, резкими штрихами начал рождаться силуэт брахиозавра. Без фильтров. Без возможности отменить последнее действие.

Сноска №17 (О ночных шумах и недостатках магической инженерии):

Ночь в дикой природе никогда не бывает тихой. Городской житель, привыкший к ровному гулу автострады и пьяным крикам под окном, в лесу подсознательно ждет тишины. Вместо этого он получает оглушительную, многоканальную симфонию из шорохов, уханний, спаривающихся насекомых размером с собаку и далекого рёва существ, чьи габариты не позволяют им иметь комплексы. Магическая защита в таких условиях часто страдает от плохой калибровки интерфейса.

К моменту, когда солнце окончательно рухнуло за горизонт, утонув в бескрайнем море доисторического леса, они успели обосноваться на естественной платформе, образованной переплетением исполинских ветвей в развилке гигантского дерева. Это было идеальное стратегическое решение: высоко, надежно и недостижимо для большинства наземных хищников среднего звена. Макс и Тибальт натаскали туда охапки мягкого мха, соорудив подобие спальных мешков, а сверху натянули навес из широких листьев папоротника на случай, если местный климат решит устроить им внеплановый душ.

Костер продолжал весело гореть внизу, у самого основания ствола. Его оранжевые языки облизывали толстую кору, отбрасывая на зеленые заросли длинные, причудливые тени, и в этом тёплом круге света мир мела казался чуть менее враждебным. До тех пор, пока этот мир не включил звук.

Меловой период в темноте оказался оглушительным. Это была не просто ночь - это был безумный рок-фестиваль дикой природы, где у каждого исполнителя был неисправный усилитель. Из темноты доносились пронзительные, ультразвуковые крики ночных летучих рептилий. Где-то на самой периферии слуха раздавался глубокий, вибрирующий, утробный рёв, низкий и тяжелый, как раскаты грома во время тропического шторма. Земля периодически едва заметно подрагивала, транслируя через корни деревьев информацию о том, что кто-то очень большой и сытый возвращается с прогулки.

Насекомые мезозоя - это отдельная статья кошмаров. Привлеченные ярким светом костра, они проносились мимо дерева с басовитым, угрожающим жужжанием, напоминающим звук работающих турбин квадрокоптера. Одно из таких созданий, чудовищная стрекоза размером с хорошую суповую тарелку и с размахом крыльев, которому позавидовал бы любой городской голубь, решило провести личный аудит новоприбывших пришельцев. Сделав кру-

той вираж над костром, тварь с гулом спикировала прямо на платформу, целясь аккуратно в перепуганное лицо Тибальта.

- Пресвятая Гвиневра! - завизжал подмастерье, вскакивая на ноги и едва не теряя свой колпак. - Активация оборонного протокола! Щит невидимости и физического отражения!

Он судорожно взмахнул руками, выкрикивая что-то на ломаной латыни. В воздухе над его головой с характерным звуком «пуф-ф» материализовался мерцающий голубоватый купол магической защиты. Идея была прекрасной, но подкачала калибровка. Магический интерфейс выдал критическую ошибку масштабирования: диаметр защитного экрана составил ровно десять сантиметров. Он плотно, герметично и очень красиво накрыл... исключительно выдающийся нос самого Тибальта.

Доисторическое насекомое со всего разгона врезалось в этот крошечный невидимый барьер с отчетливым звуком «бдыщ!». Сила удара была такова, что стрекоза потеряла ориентацию в пространстве, сложила крылья и, совершая беспорядочные кувырки, полетела вниз, прямо во тьму.

Там, внизу, у костра, раздалось короткое, сухое и невероятно деловитое: «Хрум-хрум». А затем - сытое, безмятежное овечье блеяние.

На платформе воцарилась гробовая тишина. Все трое осторожно заглянули за край ветки.

- Она... она только что деинсталировала этого летающего монстра? - прошептал Тибальт, аккуратно снимая пальцами магический купол со своего носа.

- Согласно базовой биологии, овцы, исключительно жвачные животные, питающиеся клевером, философски заметил Макс, глядя вниз, где пушистый комок белой шерсти невозмутимо пережевывал жесткие хитиновые крылья. - Но, судя по всему, в условиях темпорального коллапса эта конкретная особь решила оперативно перейти на высокопротеиновую диету.

- Я начинаю подозревать, что эта овца, альфа-хищник данной локации, серьезно произнесла Катя, глядя на животное с глубоким, искренним уважением. - Тираннозавры просто еще не знают о её существовании, иначе они бы уже эвакуировались на другой материк. Для нее весь этот мезозой - просто большой шведский стол со снеками.

Овца, проявив завидный уровень интеллекта, наотрез отказалась лезть на дерево по веткам. Вместо этого она деловито обнюхала корни, навела копытами порядок в местном мху, сформировав удобное ложе, и улеглась у самого костра так, чтобы и бока грело, и любой подползающий гад гарантированно получил копытом по физиономии. Сейчас она мирно похрюпывала, демонстрируя такое безграничное презрение к законам хронологии, которому могли бы позавидовать все философы мира.

- Она смотрит на нас как на временных сотрудников с низким KPI, - вздохнула Катя.

- Она нас презирает на уровне исходного кода, - подтвердил Макс.

- Это очень непростая овца, - попытожил Тибальт.

Свесившись с ветки, подмастерье заговорщицким шепотом сообщил Макс, что теперь ему до конца понятен глубокий смысл друидических ритуалов: друиды почитали овец не за шерсть, а за их уникальную способность сохранять космический дзен даже тогда, когда вокруг рушится вселенная. А еще - это отличный перспективный ресурс для создания теплых носков, если их пребывание здесь затянется на несколько финансовых кварталов.

Макс и Тибальт обменялись долгими, понимающими мужскими взглядами. В умах обоих аналитиков уже шел скрытый процесс калькуляции: на сколько дней автономного существования хватит одной упитанной уилтширской овцы, если её мясо подвергнуть термическому копчению над костром Тибальта. Вслух, Впрочем, эти циничные мысли озвучены не были, отчасти из-за Катиного гуманизма, отчасти потому, что овца в этот момент так сладко почесала задней ногой за ухом, что совершать покушение на столь монументальное спокойствие казалось откровенным святотатством перед лицом мироздания.

Сноска №18 (О временных парадоксах и фантастической литературе):

Проблема путешествий во времени заключается в том, что большинство людей путают прошлое с библиотекой. Им кажется, что если они переставят одну книгу на полке, то вся секция художественной литературы превратится в детективные романы. На самом деле время больше похоже на огромный, вязкий океан киселя: вы можете шлепнуть по нему веслом, вы можете даже вылить туда ведро сиропа, но океан останется океаном киселя, просто в одном месте он будет чуть слаще, пока всё окончательно не перемешается.

- Слушай, Макс... - тихо проговорила Катя, устраивая голову на валике из мха и глядя сквозь прорези в листьях на ночное небо.

Звезды там горели ярко, но созвездия выглядели странно, непривычно, словно какой-то нетрезвый дизайнер интерфейсов слегка сдвинул все ползунки вправо.

- А как же быть с эффектом бабочки?

- В каком смысле?

- Ну, мы сидим здесь. В глубоком прошлом. Развели костер, пьем воду, пугаем местных жителей. Что, если наши действия, чисто случайно, запустят каскадный сбой в истории, и будущего, из которого мы прибыли, больше не случится? Рэй Брэдбери написал об этом целый мануал, рассказ «И грянул гром». Там один турист случайно сошел с тропы, раздавил несчастную бабочку в мезозое, а когда вернулся, в его стране выбрали другого президента и полностью изменился алфавит.

Макс подпер голову рукой. Его лицо, подсвеченное снизу багровыми отсветами угасающего костра, выглядело задумчивым, глубоким и очень усталым.

- Если подходить к вопросу с точки зрения строгой системной логики, - ответил он после долгой паузы, до появления первых гоминидов остаётся примерно шестьдесят шесть миллионов лет. Это колоссальный временной буфер. Любое наше даже микро-вмешательство, любой созданный нами шум успеет затухнуть, рассеяться и компенсироваться экосистемой миллионы раз. Самый важный баг это то, что мы уже здесь. Наше физическое присутствие, наши атомы, выдохнутый нами углекислый газ - это уже изменение исходного кода временной линии. Мы уже часть этого релиза.

- То есть... мы уже вшиты в эту историю? Как неудачный патч?

- Технически - да. Мы стали частью локального контекста.

- И значит, нам нужно быть предельно осторожными? Чтобы не снести ядро системы?

- Это было бы крайне желательно.

- Но мы ведь уже сожгли кучу веток, потревожили популяцию гигантских стрекоз, выпили воду, которая должна была достаться какому-нибудь мелкому ящеру... Вдруг этот ящер из-за нас не попьет, ослабнет, его сожрет хищник, и его далекий потомок через сорок миллионов лет не эволюционирует в первого теплокровного млекопитающего, от которого пошли люди?!

- Катя, - мягко прервал её Макс. - Тебе знаком такой термин, как «овер-инжиниринг» или слишком глубокий анализ логов?

- Я SMM-стратег высшего звена, Громов! - с гордостью отозвалась она, повернувшись к нему - Глубокий анализ метрик, охватов, вовлеченности и долгосрочных конверсий - это моя базовая прошивка! Я обязана просчитывать последствия каждого поста на три квартала вперед!

- SMM-менеджер просчитывает охваты публикаций в соцсетях, Волкова, а не последствия радиационного фона для эволюции плацентарных млекопитающих. У тебя сейчас классическая перегрузка компетенций. Ты пытаешься администрировать вселенную с помощью маркетинговых инструментов.

- Ну и что? - Она улыбнулась, и её белые зубы на мгновение блеснули в полумраке. - Зато я расту над собой как специалист. Распирая резюме. Только представь: «Опыт управления временным континуумом в условиях ограниченных ресурсов мезозоя». Звучит дорого.

В темноте Макс тоже улыбнулся, тихо, незаметно для неё, но Катя почувствовала эту улыбку по тому, как внезапно изменился ритм его дыхания, став чуть более мягким и теплым.

- Эффект бабочки, красивая математическая метафора, - согласился он, возвращая голосу серьезность. - В этом я с Брэдбери солидарен. Динамические системы чувствительны к начальным условиям. Поэтому наше ТЗ на ближайшие дни: минимум активности, ноль агрессивного вмешательства в архитектуру локации.

- Принято. Хотя... знаешь, о чем я сейчас подумала?

- О чем?

- Чертовски жаль, что этот портал не забросил нас, например, в две тысячи девятый год. Ну, помнишь время, когда один биткойн стоил меньше одного цента, и его можно было майнить на старом домашнем ноутбуке ради шутки?

- Ты даже в мезозое думаешь о венчурных инвестициях и криптовалюте? - Макс тихо рассмеялся, и этот звук прозвучал удивительно уютно на фоне далекого рева динозавров.

- Ну а что! Мы бы вернулись в наше время мультимиллиардерами. Выкупили бы твою IT-конттору, купили бы себе по острову в Тихом океане...

- Боюсь, Катенька, что местная криптобиржа имеет нулевую ликвидность из-за полного отсутствия кремниевых полупроводников, оптоволоконных кабелей и электричества как явления. Так что твой инвестиционный портфель сейчас ограничен двумя конфетами в кармане.

- Вот в этом-то и вся трагедия! - Она вздохнула с таким глубоким, искренним надрывом, словно её только что лишили годового бонуса. - Вечно у нас так: то портал сломается, то интернет не ловит. Ладно. Пусть будет мел. Будем работать с тем контентом, который есть. С динозаврами.

Далеко в темноте, за стеной каньона, раздался резкий, отрывистый, свистящий рык хищника, на который тут же ответил тяжелый, басовитый, торжествующий рёв с противоположной стороны леса. Два гиганта мезозоя явно вели переговоры по поводу разделения зон влияния.

- Всем спать, - скомандовал Макс, плотнее заворачиваясь в куртку. - Завтра нужна свежая голова. Будем думать, как отсюда выбраться.

А Тибальт Огастус Перкинс III уже давно и безмятежно похрапывал, свернувшись калачиком под своей грязной шелковой мантией. Его остроконечный колпак съехал набок, а на лице блуждала блаженная, глуповатая улыбка первокурсника. Ему снился седьмой курортный сектор Параллельных Реальностей, где не было никаких динозавров, зато текли реки из бесplatного эля, а на деревьях росли спелые яблоки.

Глава 6

Сноска №19 (Из «Краткого руководства по темпоральным аномалиям для подмастеров, склонных к панике», составленного магистром Мерлином)

Если вы искренне полагаете, что пробуждение в Меловом периоде напоминает пробуждение в приличном четырехзвездочном отеле, с пением доисторических птиц, мягким рассветом и предупредительным коридорным, то вам срочно нужно перенастроить свои ментальные фильтры.

Пробуждение в Меловом периоде больше всего похоже на падение в blender, заполненный криками существ, которые еще не определились, хотят ли они эволюционировать в птиц или сразу в ночные кошмары. Единственное сходство с отелем заключается в том, что вас здесь тоже никто не ждет после расчетного часа. И, как отмечает «Краткое руководство», если прямо у вашего изголовья стоит нечто весом с небольшой пригородный вокзал, худшее, что

вы можете сделать, это вежливо поинтересоваться меню на завтрак. Скорее всего, завтрак, в этом случае, это вы.

Утро второго дня началось с того, что ветка араукарии под Максимом Сергеевичем Громовым совершила резкое колебательное движение по оси Z с амплитудой, явно превышающей все допустимые нормы безопасности, прописанные в регламентах эксплуатации вековых папоротников.

Прямо под их хлипкой древесной платформой стоял восьмитонный аргумент против существования разумного замысла.

Это был тираннозавр рекс. Он выглядел в точности как на картинках в школьных учебниках палеонтологии, за исключением одной маленькой, но крайне существенной детали, о которой академики почему-то предпочитали тактично умалчивать: от него пахло так, словно кто-то решил использовать склад протухших креветок в качестве полигона для испытания химического оружия.

- Катя, - шепнул Макс, стараясь задействовать для этого только левый глаз и мимические мышцы правого уха, поскольку любая другая активность могла быть истолкована квантовой неопределенностью как приглашение к обеду. - Не совершай резких движений. В нашей локальной экосистеме произошло незапланированное обновление ПО. Причем база данных весит восемь тонн и имеет зубы размером с твой ноутбук.

Катя Волкова заворочалась. Её ярко-розовый рюкзак колыхнулся, сработав в утренних сумерках как идеальный визуальный маркер для хищника, у которого миллионы лет жесткого естественного отбора оттачивали реакцию на всё яркое, неуместное и потенциально хрустящее. Катя приоткрыла один зелёный глаз, зафиксировала огромный, налитый желчью и вековым маразмом зрачок чудовища, находившийся примерно в двух метрах от её носа, и выдала звук, который в современной блогосфере обычно обозначается как «звуки глубокого потрясения, не поддающиеся модерации».

- О... - едва слышно выдохнула она, цепenea. - Макс... скажи мне, что это нейросеть. Или что тут снимают кино, а у подножия дерева нас ждет съемочная группа с кофе и контрактом.

- Это рендер, Катя. Очень качественный, - отозвался Макс со скоростью процессора, у которого начинает плавиться термопаста. - С полной поддержкой физики твердых тел, динамическими тенями и встроенной функцией моментального переваривания программистов третьей категории.

Тибальт, свернувшийся калачиком в углу платформы и укрывшийся помятой мантией, в этот момент как раз досматривал приятный сон. В этом сне наставник Мерлин хвалил его за отличную успеваемость по курсу «Прикладная левитация мелкого рогатого скота» и даже выдавал премию в виде мешка тяжелых золотых шиллингов. Почувствовав, что окружающая атмосфера внезапно приобрела плотность и запах привокзального чебурека, юный маг резко сел. От этого внезапного маневра его помятый остроконечный колпак сорвался с головы и, совершив в воздухе несколько изящных пируэтов, упал точно на массивную, покрытую шрамами морду ящера.

Тираннозавр моргнул. Слышно было, как внутри его черепной коробки со скрипом повернулась шестеренка доисторического мозга объёмом с не самый крупный грецкий орех. Ящер попытался обработать входящие данные: согласно генетической памяти его предков, с неба на них обычно падали либо капли дождя, либо метеориты, либо перезрелые шишки. Опыта взаимодействия с синими бархатными конусами, расшитыми золотыми звездами, у Мелового периода не было.

Чудовище брезгливо фыркнуло, сдувая колпак в ручей, оскорбленно развернулось и, ломая мощным хвостом столетние араукарии с грацией оркестра без дирижёра, ушло в чащу искать обед с более предсказуемым поведенческим паттерном.

- Ну вот, - меланхолично заметил Тибальт, глядя вслед уходящей горе мышц. - Это был дракон, причём из не самых вежливых. Мой наставник Мерлин всегда говорил: если существо выглядит так, будто хочет сожрать тебя целиком, и при этом не умеет поддерживать светскую беседу о погоде в Уилтшире - это либо дракон, либо налоговый инспектор Его Величества. Причем от второго даже магия не всегда спасает.

- Это был тираннозавр рекс, чудо ты в перьях, - Макс наконец-то позволил своей правой брови занять ее привычное, скептическое положение на лбу. - И он ушёл только потому, что твой головной убор оказался ментально несовместим с его диетическими предпочтениями. Нам нужно менять локацию. Срочно. На открытое пространство, где нас хотя бы не смогут застать врасплох в позе спящих сурков.

Сноска №20 (О метафизике овец)

Существует мнение, что овцы - самые глупые существа во Вселенной. Это опасное заблуждение. На самом деле овцы обладают настолько глубоким и грандиозным пофигизмом, что он способен искривлять пространственно-временной континуум. Овца не паникует при виде тираннозавра не потому, что она храбрая, а потому, что с точки зрения овцы, вся Вселенная делится на две категории: то, что можно сожрать прямо сейчас, и то, что сожрет тебя чуть позже. Размышления о разнице между этими категориями только портят аппетит.

Они спустились с дерева. Уилтширская овца, которая пережила эту ночь с грацией и неподвижностью бетонного памятника основателям овцеводства, уже стояла на опушке долины. Она с аппетитным хрустом уничтожала папоротник, который, судя по его деревянистому стеблю, застал ещё зарождение Вселенной и лично помнил Большой взрыв, но овцу такие мелочи не волновали.

Телефон, пролежав на солнце, после очередной попытки его оживить, неожиданно включился, видимо, мезозойская магия подсушила контакты. Катя полагала, что данное событие, доставит ей больше радости. Однако, она бережно взяла телефон, и перевела его в режим максимальной экономии батареи.

Выйдя из леса, троица и одно парнокопытное застыли.

Перед ними расстилалась Великая Мезозойская Долина. Солнце медленно поднималось над зубчатой грядой базальтовых гор, окрашивая извилистую реку в цвета расплавленного золота. По берегам, грациозно переставляя многотонные тумбы своих ног, двигалось колоссальное стадо трицератопсов. Детёныши ящеров смешно тыкались носами в кожистые бока матерей, а в вышине, затеняя солнце огромными кожистыми крыльями, плавно скользили птеранодоны. Это было монументально. Это было так красиво, что Катя напрочь забыла про отсутствие сети, роуминга и лайков - она просто подняла телефон, ловя в объектив кадр, который, возможно, никогда не увидят её тридцать тысяч подписчиков.

- Никто не поверит... - тихо сказала она, и в её голосе впервые за всё время не было цинизма.

- Я сам себе не верю, - согласился Макс, замороженно глядя на ближайшего трицератопса, который в этот момент меланхолично чихнул, подняв в воздух целую тучу золотистой доисторической пыльцы.

И в этот момент, когда градус эпичности, дикой гармонии достиг пика, небо над их головами издало звук, подозрительно напоминающий разрыв гигантского куска плотной ткани.

Бирюзовая вспышка озарила долину, заставив птеранодонов испуганно заложить крутой вираж. Из чистейшего ниоткуда, примерно в трёх метрах над землей, материализовался клубок из сверкающей стали, развевающегося плаща и яростных, чисто английских криков.

- МЕРЛИН, ТЫ СТАРЫЙ МОШЕННИК, Я ВЫЗЫВАЮ ТЕБЯ НА-! - заорал голос, после чего клубок с грохотом, лязгом, скрежетом и металлическим звоном рухнул в кусты дикого чертополоха.

Стадо трицератопсов синхронно вздрогнуло и прекратило жевать. Макс закрыл глаза, медленно сосчитал до десяти, мысленно проверил контрольную сумму своей психики и открыл их снова. Кусты чертополоха яростно шевелились. Оттуда доносилось глухое, сочное ворчание и звуки, какие обычно издает ведро со ржавыми болтами, запущенное в промышленную бетономешалку.

Из зелени победоносно вынырнула сочлененная металлическая перчатка, сжимающая тяжелый меч. Следом показался шлем с сильно помятым плюмажем, из-под забрала которого на ошарашенных путешественников во времени уставились два безумных, налитых кровью и стопроцентно британских глаза.

Сэр Реджинальд Алоизий Персиваль III официально прибыл в Меловой период. И у Мелового периода, откровенно говоря, не было ни единого шанса.

Рыцарь несколько раз конвульсивно дернул левой ногой, пытаясь высвободить тяжелую шпору из плена доисторического выюнка, после чего с глухим стуком повалился ничком на брюхо. Земля под ним слегка просела, выдав жалобный вздох.

- Во имя Пресвятой Девы и чистых воротничков! - глухо донеслось из-под железного ведра, выполнявшего роль шлема. - Мерлин, клянусь честью и всеми святыми Уилтшира, если я выберусь из этой навозной кучи, в которую ты превратил задний двор замка, я заставлю тебя сожрать твою собственную бороду! Без соли, горчицы и права на апелляцию!

- Сэр Реджинальд? - Тибальт робко сделал шаг вперед, придерживая подол мантии, чтобы не наступить на собственного рачка, выползшего из травы. - О, пресветлые небеса, это действительно вы? Но как... то есть, каким образом ваша доблесть соизволила... дематериализоваться в этих краях?

Железная голова резко повернулась на звук. Забрало с противным скрежетом откинулось вверх, явив миру усы такой кавалерийской жесткости, что ими, казалось, можно было строгать бревна или чистить сковородки.

- Тибальт? Ты, блошинный выкормыш! - Реджинальд кое-как перевернулся на бок, издавая звуки падающего несгораемого сейфа. - Где этот старый маразматик? Я ворвался в его покои, чтобы потребовать законной сатисфакции! Этот негодяй превратил моего боевого скакуна Гектора в комнатную петунию! В чертову горшечную герань, Тибальт! Мой лучший конь, который топтал сарацин, теперь стоит на подоконнике и требует полива дважды в неделю.

Рыцарь наконец принял вертикальное положение, тяжело упершись мечом в землю. Он шумно дышал, а из его левого наплечника кокетливо торчал кусок доисторического лопуха, придав феодалу слегка экологический вид.

Макс молча наблюдал за этой сценой. Его мозг, не умеющий принять ни одного необъяснённого факта, сейчас лихорадочно пытался составить уравнение, в котором фигурировали: временной парадокс, мезозойская грязь, стадо трицератопсов и двадцатикилограммовый англичанин в латах, утверждающий, что его лошадь стала цветком. Уравнение категорически отказывалось сходиться.

- Так, - Макс сделал глубокий вдох и изо всех сил потер переносицу. - Давайте систематизируем входящие данные. Вы - рыцарь. Из Камелота. Из шестого века нашей эры. Я всё правильно понял?

Реджинальд окинул Макса высокомерным взглядом, надолго задержавшись на его кроссовках кислотного цвета и флисовой кофте.

- А ты ещё что за розовошеее недоразумение в шутовском наряде? - фыркнул сэр Реджинальд, презрительно раздувая ноздри. - Шпион французский, не иначе! Посмотри на свои панталоны, парень, в них же нет ни капли мужского приличия, один сплошной срам! И что это за

богопротивный девайс у тебя в руках? - он ткнул пальцем в пластиковую бутылку с водой. - Стекло без клейма гильдейского мастера? Колдовство! Магия! Чистой воды ведьмачество!

- Спокойно, жестянка, - Катя вышла вперед, выставив перед собой ладони, как при общении с неадекватным заказчиком. - Мы не французы. Мы из Москвы. Из двадцать первого века. Мы тоже... э-э-э, жертвы неисправного программного обеспечения вон того горе-мага, который сейчас пытается слиться с араукарией за нашими спинами.

Реджинальд перевел взгляд на Катю. Его глаза округлились при виде ярко-розового рюкзака и неоновых шнурков. Он тут же размашисто перекрестился металлической перчаткой, отчего по долине снова пронесся характерный колокольный звон.

- Ведьма! - авторитетно и со знанием дела заявил он. - Рыжая, в одеждах цвета взбесившегося фламинго! Тибальт, во что ты втянул честного христианина? Куда делся замок? И... - рыцарь наконец обернулся и впервые по-настоящему осмотрелся вокруг. - И почему те холмы двигаются? И почему у тех холмов хвосты?

В ста метрах от них один из трицератопсов, до этого мирно жевавший папоротник, поднял свою трёхрогую голову. Издав звук, поразительно похожий на сирену сломавшегося океанского лайнера, ящер уставился на блестящее металлическое существо, которое так вызывающе и шумно нарушало тишину.

- О, - сказал Тибальт, пятясь. - Кажется, мы успешно привлекли внимание местной фауны. Сэр Реджинальд, я бы настоятельно рекомендовал вам не совершать резких движений и перестать звенеть. Это не холмы. Это... очень большие коровы. Очень злые коровы, у которых явные проблемы с гостеприимством.

- Коровы? - Реджинальд презрительно хмыкнул, покрепче перехватывая рукоять меча. - Ты называешь эту чешуйчатую свинью коровой? Да у неё на носу три боевых копья, парень! Это явное оскорбление рыцарского сословия! Она смотрит на меня без должного почтения. В Камелоте за такой взгляд отрезают уши или, как минимум, лишают права на выпас в черте графства!

Трицератопс, которого Катя уже окрестила Лютиком, медленно переставил свои тумбообразные лапы. Юмор ситуации заключался в том, что латы Реджинальда на утреннем солнце блестели настолько ярко, что Лютик принял рыцаря за очень странного, очень наглого и исключительно блестящего соперника, который претендует на самую сочную траву в этой четверти долины. Ящер опустил голову, выставив вперед массивный костяной воротник, и начал мерно подгребать задней лапой землю.

- Макс, - тихо сказала Катя, хватая программиста за рукав флиски. - Мне кажется, этот доисторический «робот-пылесос» сейчас пойдет на таран. Сделай что-нибудь. Ты же у нас логик!

- Моя логика говорит, что кинетическая энергия восьмитонной туши, помноженная на скорость её разгона, превратит сэра Реджинальда в очень плоский блинный набор, - ответил Макс, тоже плавно отступая к лесу. - Сэр царь... то есть Реджинальд! Сдайте назад! Это не француз, это живой танк!

- Рыцари Круглого Стола не отступают перед крупным рогатым скотом! - гордо провозгласил Реджинальд. Он сделал три шага вперед. Лязг-брязг-дзынь. - Слушай меня, чешуйчатая нечисть! - заорал рыцарь, поднимая меч. - Я, сэр Реджинальд Алоизий Персиваль Третий, вызываю тебя на честный бой! Бросаю тебе вызов во имя Короны!

С этими словами он сорвал со своей левой руки тяжелую латную рукавицу и с силой швырнул её вперед. Железная перчатка пролетела метров десять и с глухим стуком упала точно перед мордой трицератопса.

Тот остановился. Наклонил голову, обнюхал блестящий предмет, издающий отчетливый запах машинного масла и многовекового пота, после чего... просто открыл пасть и с хрустом

втянул рукавицу внутри, начав меланхолично её жевать, словно это был деликатесный кусок жесткого бамбука.

Реджинальд застыл с поднятым мечом. Его усы дрогнули.

- Она... она сожрала мою перчатку, - потерянно произнес он. - Она не приняла вызов. Она его... проглотила. Это... это не по правилам! Это прямое нарушение тридентского кодекса от пятьсот сорок второго года!

- Она просто приняла твою капитуляцию вместе с гарниром! - крикнул Макс из-за дерева.

- Беги, идиот! У неё сейчас начнется изжога, и она обвинит в этом тебя!

Динозавр, совершив несколько жевательных движений, пришел к выводу, что блестящий соперник на вкус как старый гвоздь, но ведет себя крайне шумно и раздражающе. Издав яростный рев, трицератопс рванул с места, развивая скорость хорошего пригородного поезда.

- Спасайся кто может! - взвизгнул Тибальт и первым взлетел на ближайшую араукарию с проворством, никак не вяжущимся с его внешностью и тяжелой мантией.

Овца, проявив удивительный для своего вида интеллект, мгновенно растворилась в тумане. Катя и Макс бросились в заросли гигантского чертополоха.

На открытом пространстве остался только сэр Реджинальд. Латы, бывшие его гордостью, сейчас работали как идеальный якорь. Рыцарь попытался развернуться, но его правая шпора намертво запуталась в корнях.

- Проклятый Мерлин! Проклятые французские сорняки! - орал Реджинальд, отчаянно дергая ногой, в то время как земля под ним уже ходила ходуном от приближающегося галопа восьмитонного ящера. - Я требую адвоката! Я требую переноса поединка на сухую почву!

Громакдный ящер был уже в двадцати метрах. Его рога целились точно в филейную часть тевтонского доспеха. В этот момент Макс, высунувшись из-за ствола дерева, понял, что если сейчас ничего не предпринять, их экспедиция лишится единственного тяжелого пехотинца, так и не успев узнать, где здесь пресная вода.

- Реджи, падай! - закричал Макс. - Просто падай набок, придурок! Сработай как противотанковый еж!

Рыцарь, потеряв равновесие от очередного рывка, последовал совету. Он с диким воплем завалился на правый бок, увлекая за собой трухлявый пенёк. Два пуда сочлененного английского железа сорвались с небольшого склона и кубарем покатались вниз, к реке.

Звук, который последовал за этим, вошел бы в анналы истории Мезозоя, если бы у Мезозоя были анналы. Это не было просто падением. Это была симфония разрушения. Реджинальд покатылся по склону с таким звуком, что птеранодоны в радиусе двух миль синхронно сложили крылья. Специфический скрежет железа по граниту породил волну такой чистоты и мощности, что у Макса заложило уши, а Катя непроизвольно присела, закрыв голову руками.

Годзила затормозил так резко, что его четырехпалые копыта прорыли в земле глубокие борозды. Доисторический гигант застыл. Его уши уловили звук, невозможный в природе Мелового периода. Миллионы лет эволюции готовили трицератопсов к реву тираннозавров, извержениям вулканов и падениям метеоритов. Но эволюция никак не рассчитывала на звук будто кто-то сбросил с лестницы третьего этажа ящик с кастрюлями. Кастрюлями, набитыми церковными колоколами.

Мозг ящера выдал системный сбой. Он решил, что на него несется неведомое тектоническое чудовище, состоящее из чистой, концентрированной головной боли. Ящер испуганно хрюкнул, развернулся на месте и с позорной скоростью припустил в сторону реки, увлекая за собой все стадо.

Через минуту в долине снова воцарилась тишина. Только у подножия холма, наполовину погрузившись в прибрежный ил, лежал неподвижный металлический кокон.

Макс и Катя медленно вышли из укрытия. С дерева, цепляясь бородой за ветки, осторожно сползал Тибальт. Они подошли к куче металлолома. Забрало шлема Реджинальда было забито речной тиной, из которой меланхолично торчал маленький доисторический рачок.

- Эй... сэр? - Макс постучал палкой по нагруднику. - Вы там как? База данных не повреждена?

Внутри доспеха что-то булькнуло. Затем забрало со скрипом приоткрылось на пару сантиметров.

- Этот... этот трехрогий простофиля... - прохрипел Реджинальд, выплевывая головастика. - Он испугался моего тактического маневра. Я... я деморализовал его своим боевым кличем. Запиши это в анналы, Тибальт. Сэр Реджинальд обратил в бегство дракона методом... контролируемого падения.

Катя переглянулась с Максом.

- Ну что, Громов, - улыбнулась она, вытирая грязь с лица. - Похоже, наша команда укомплектована. У нас есть логика, магия, медиа и... акустическое оружие массового поражения. Что дальше по плану?

Макс посмотрел на солнце, которое уже припекало всюду, а затем на Реджинальда, который пытался подняться, но под весом намокшего ила только глубже погружался в мезозойскую грязь.

- Дальше, - вздохнул Макс, - нам нужно как-то отмыть это суверенное британское ведро, пока на запах тины не пришел кто-то покрупнее. И, Тибальт... найди мою овцу. Мне кажется, она единственная здесь понимает, что происходит.

Процесс извлечения сэра Реджинальда из прибрежного ила занял примерно минут десять, три сломанные ветки араукарии и бесконечное количество непечатных выражений на смеси современного русского и староанглийского языков.

Когда рыцаря наконец удалось отбуксировать на сухую траву, он представлял собой монументальное зрелище: мезозойская грязь, высыхая на утреннем солнце, стремительно превращала его латы в грубый, монолитный цементный кокон. Шевелиться Реджинальд не мог физически, но его речевой аппарат функционировал с эффективностью хорошего дизельного генератора.

- Это заговор! - вещал он из-под забитого тиной шлема, пока Катя пыталась соскрести с его нагрудника ракушки с помощью плоского камня. - Мерлин специально подговорил этих чешуйчатых жаб! Он завидует моей славе! В прошлый вторник я лично отрубил хвост водяному червю в болотах Уилтшира, а этот старый сухарь заявил на совете Круглого Стола, что это был обычный утонувший угорь, принадлежавший местному мельнику! Тибальт, не стой как соляной столб, принеси мне кубок эля и сухую попону для Гектора! Ах да... Гектор же теперь герань... Будь проклят этот день!

- Сэр Реджи, у нас нет эля, - вздохнул Макс, обходя рыцаря по кругу и оценивая масштаб повреждений. - У нас есть только теплая речная вода, в которой, судя по всему, плавают предки всех известных науке кишечных палочек. И если вы не замолчите, я начну искренне жалеть, что трицератопс, этот Лютик, оказался таким впечатлительным.

- Кто? Лютик?! - Реджинальд попытался дернуть усами, но они намертво склеились с речной глиной. - Ты назвал этого рогатого дьявола Лютиком? Юноша, у тебя явные проблемы с восприятием реальности. В мое время чудовищ называли прилично: «Опустошитель Бристоля», «Ужас Черного Болота» или хотя бы «Тварь с тремя рогами». Лютики - это то, из чего девки в Камелоте плетут венки, чтобы скрыть прыщи на лбу!

- Ладно, Акустический Элементаль, остынь, - Катя с размаху стукнула камнем по его наплечнику. Кусок сухой грязи отвалился, обнажив помятую, но гордую эмблему с изображением какого-то облезлого суслика, испытывающего глубокие душевные страдания. - Скажи

спасибо Макс. Если бы не его команда «падай», тебя бы сейчас отскребали от этой долины как начинку для мезозойского пирога.

Тибальт в это время сидел на корточках чуть поодаль, безуспешно пытаясь с помощью короткой палочки и заклинания «Флагеллацио» заставить овцу перестать жрать розовый шнурок от Катиного рюкзака. Овца плевала на заклинания шестого века. Она нашла в Мезозое свой личный гастрономический рай и планировала остаться здесь подольше.

- Ну и что мы будем делать дальше, шеф? - Катя повернулась к Макс, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. - Воды у нас полбутылки. Из еды папоротники, которые, если честно, выглядят как салат, способный сожрать тебя изнутри в целях самообороны. Интернета нет. Зато у нас есть ходячая груда металлолома, которая привлекает хищников в радиусе пяти миль одним своим дыханием.

Макс вытащил из кармана свой отключенный смартфон, повертел его в руках как бесполезный кусок пластика и посмотрел на Тибальта.

- Тибальт, твой чудо-портал. Каковы шансы, что ты сможешь настроить его на обратный курс? Ну, или хотя бы перекинуть нас туда, где изобрели канализацию и антибиотики?

Юный маг виновато шмыгнул носом и поправил свой помятый колпак, который Макс всё-таки выловил из ручья.

- Понимаете, Максимус... Магические потоки в этой эпохе невероятно... чистые. Они как... как непаханое поле. В Камелоте мы привыкли подключаться к остаточным эманациям Мерлина или использовать геомагнитные линии Стоунхенджа. А здесь... здесь мана бьет из земли как сырая нефть, но у меня нет нужного... хм... переходника. Мне нужно время, чтобы рассчитать формулу стабилизации. Дня три. Может, неделя.

- Неделя?! - Катя всплеснула руками. - Тибальт, через неделю моя кожа превратится в один большой укус доисторического гнуса! Посмотри на эти летающие швейные машинки! - она указала пальцем в небо, где над долиной лениво кружили гигантские меганевры - стрекозы размером с хорошего ястреба. Одна из них как раз спикировала на папоротник неподалеку и с хрустом перекусила какого-то жука.

- Не паникуй, - Макс постарался, чтобы его голос звучал максимально спокойно, хотя внутри у него самого всё шло ко дну примерно в том же темпе. - Раз уж у нас вынужденный оффлайн-лагерь, будем действовать по аварийному протоколу выживания. Первое - укрытие. Второе - огонь. Третье - изоляция этого шумящего объекта, - он кивнул на Реджинальда. - Сэр рыцарь, если мы снимем с вас латы, вы сможете передвигаться без звука падающего буфета?

Реджинальд издал такой глубокий вздох, что его нагрудник жалобно звякнул.

- Снять доспех? Перед лицом этих... этих некрещеных ящериц? Никогда! Рыцарь без лат - это как улитка без раковины, просто кусок мяса, готовый для чужого вертела! К тому же... поддоспешник промок, и если я его сниму, меня в ту же секунду заживо сожрут эти ваши... летающие швейные машинки.

- Ладно, оставайся в своей консервной банке, - вздохнул Макс. - Но если из-за твоего скрежета к нам на огонек заглянет тот утренний Тираннозавр, ты будешь первым, кого мы выставим в качестве дипломатического дара и средства замедления погони.

Они решили двигаться вдоль кромки леса, подальше от открытой долины, где трицератопсы всё еще с подозрением косились на их сторону, и поближе к скалистым навесам, которые Макс приметил на склоне горы. Горы выглядели надежно - по крайней мере, туда вряд ли смог бы забраться многотонный хищник с короткими передними лапками и нарушением координации.

Шествие выглядело эпично. Впереди шел Макс с тяжелой палкой, прорубая дорогу в зарослях хвощей. За ним следовала Катя, которая, несмотря на отсутствие связи, продолжала вести «внутренний блог», комментируя каждый куст. Следом, издавая мерный, глухой звук «вжух-лязг, вжух-лязг», продвигался сэр Реджинальд, которого Тибальт подталкивал в филей-

ную часть доспеха каждый раз, когда рыцарь застревал в грязи. Замыкала шествие овца, которая несла в зубах какую-то подозрительную фиолетовую ягоду размером с хорошую дыню и выглядела счастливее всех.

На очередном привале, пока Тибальт ковырялся в пергаментях, а Катя делала зарисовки в блокноте, Реджинальд снял с правой руки массивное бронзовое кольцо, покрутил в пальцах и положил на плоский камень рядом с собой.

Макс искоса посмотрел на кольцо. По внешнему ободу шла насечка, а внутри, как успел разглядеть программист, было выгравировано что-то по-латыни. Два слова.

- Рыцарское кольцо, - пояснил Реджинальд, не поворачивая головы. - Надевается при посвящении. Снимается в гробу. Традиция Персивалей. Я его ношу от Камелота и до... ну, до куда придётся. Девиз там выгравирован. Семейный. «Не отступать». Два слова, которые нас, Персивалей, много раз доводили до очень неудобных ситуаций.

Он надел кольцо обратно. Встал. Лязг-брязг-дзынь. Бригада двинулась дальше.

Глава 7

Сноска №21 (Из «Краткого руководства по темпоральным аномалиям для подмастеров, склонных к панике», составленного магистром Мерлином)

Хронологические таблицы, составляемые серьезными учеными в тихих университетских кабинетах, обладают одним восхитительным свойством: они категорически не работают, как только вы покидаете пределы кабинета.

Согласно официальной науке, между динозаврами и первыми людьми лежит аккуратная, комфортная пропасть длиной примерно в шестьдесят пять миллионов лет. Это сделано главным образом для того, чтобы у первых не возникало искушения использовать вторых в качестве зубочисток, а у вторых - собирать налоги с третьих. Однако, если пространственно-временную ткань вашей вселенной продырявил недоученный волшебник с легкой формой разгильдяйства, будьте готовы к тому, что эволюция пожмет плечами, взболтает эпохи, как бармен коктейль, и выдаст вам винегрет, в котором трицератопс делит пастбище с неандертальцем, а тот, в свою очередь, пытается понять, почему от этого существа пахло лавандой.

Примерно через час пути, когда солнце поднялось в самый зенит и местный мезозойский воздух стал окончательно напоминать парилку в хорошей финской бане, где кто-то забыл выключить пар и унес с собой все полотенца, путешественники наткнулись на тропу. Она была широкой, утоптанной с упрямством, достойным римских легионов, и отчетливо пахла гарью, мокрой шерстью и диким, глубоко немытым зверем.

- Макс, - Катя дернула программиста за плечо с такой силой, что чуть не сбила его с курса логического мышления, и указала пальцем в землю. - Посмотри на это. Это не след динозавра. У динозавров нет выраженного плоскостопия и пяти пальцев.

Макс наклонился и нахмурился. В мягкой мезозойской глине четко, безапелляционно отпечатался след человеческой ноги. Точнее, очень широкой, босой ступни с массивными пальцами, которые явно никогда не знали радости ношения ортопедической обуви. А чуть дальше на ветке гигантского плауна висел клочок грубой, жесткой шерсти.

Сэр Реджинальд, который до этого момента брёл сзади с видом человека, которому мир глубоко задолжал, вдруг отстранил Макса плечом и присел на одно колено. Рыцарь изучил след молча, с той серьёзной, деловой сосредоточенностью, которая у него прежде появлялась разве что перед боем. Он потрогал край отпечатка пальцем, затем поднял голову и осмотрел кусты, медленно, по дуге, как опытный охотник.

- Трое, - сказал он коротко. - Может, четверо. Идут след в след, чтоб казаться меньше числом. Это не случайные бродяги. Шерсть на ветке намеренно. Метят территорию или предупреждают своих. - Он встал. - Они нас видели раньше, чем мы их почуяли.

- Откуда ты... - начал Макс.

- Я двадцать лет гонял шотландских конокрадов по болотам, юноша, - холодно перебил рыцарь, вытирая руку о плащ. - Следопытство не магия и не наука. Это терпение и глаза.

- Так, - Макс почесал затылок. - Меловой период. Динозавры. И... гоминиды? Это нарушает все существующие хронологические таблицы, включая здравый смысл. Тибальт, твой чудо-портал точно бьёт только в заданный период? Или ты устроил здесь временной блендер и смешал мезозой с палеолитом просто ради забавы?

- Я... я не уверен, Максимус, - пролепетал юный маг, пытаясь целиком спрятаться за широкую и относительно надежную спину сэра Реджинальда. - Понимаете, получившийся портал, это ведь не регулируемый разводной мост через Темзу с четким расписанием. Это скорее... внезапная пробоина в плотине бытия. Туда могло затянуть кого угодно из любого случайного уголка вечности. Я бы не удивился, если бы мы встретили здесь парочку римских центурионов или торговца рыбой из Ланкра.

Сэр Реджинальд вдруг замер, отчего его латы издали звук рухнувшей полки со сковородками. Его забрало со скрипом и неохотой поднялось вверх. Рыцарь шумно принялся, раздувая усы.

- Пахнет немытыми викингами, - авторитетно, со знанием дела заявил феодал. - И жареной дичью без добавления приличных специй. Клянусь честью рыцаря, если за этими кустами скрывается лагерь каких-нибудь шотландских разбойников или пиктских конокрадов, я лично заставлю их заплатить пошлину за проход по этой территории! И за порчу воздуха тоже!

Из-за ближайших зарослей гигантского плауна раздалось глухое, утробное ворчание, от которого у Кати внутри похолодело все то, что обычно отвечает за инстинкт самосохранения. Кусты с треском раздвинулись, и на тропу величественно вышли трое.

Они были невысокими, плотными, коренастыми и покрытыми такой густой доисторической грязью, что ее можно было классифицировать как отдельный слой одежды. На бедрах у них болтались шкуры неведомых зверей. В руках они держали массивные дубины из тяжелого окаменевшего дерева и костяные копья, наспех примотанные жилами к палкам. Их надбровные дуги были настолько развиты и монументальны, что под ними почти невозможно было разглядеть глаза. Впрочем, выражение этих самых глаз не оставляло ни малейших сомнений: пришельцы в ярко-розовых рюкзаках и глухих железных костюмах не входили в их список званных гостей. Точнее, они туда входили, но лишь в качестве основного горячего блюда.

Центральный дикарь, самый крупный, с ожерельем из угрожающе острых зубов раптора на шее, сделал тяжелый шаг вперед, поднял свою дубину над головой и издал громоподобный, сотрясающий подлесок рев:

- УГХ! ЧОМПА ТАКА БУМ!

- Ну вот, - констатировал Макс, медленно и очень плавно поднимая обе руки вверх, - Катя, поздравляю, кажется, это твои первые подписчики. И, судя по их настрою, они хотят лайкнуть нас вместе с костями и рюкзаками.

Катя не шевелилась, и изобразила самую неискреннюю улыбку, на которую была способна ее мимика.

- Кать, - шепнул Макс, стараясь не совершать мимических движений, - сейчас самое время устроить им технологический перформанс и сойти за богов из машины.

- Как думаешь, Макс, они верят в великого бога кокоса или предпочитают повербанки в качестве тотемов?

- Угх! - с нажимом повторил вождь, которого, судя по всему, действительно звали Чомпа. Для пущей убедительности своего лингвистического аргумента он с размаху хрюнул дубиной

по столетнему пню араукарии. Пень с жалобным писком разлетелся в мелкие щепки. Чомпа удовлетворенно хмыкнул, продемонстрировал гнилые, но крепкие зубы и указал острием копья прямо в грудь Макс. - бум-бум?

- Сам ты бум-бум, - тихо проворчал Макс.

В этот критический момент сэр Реджинальд Алоизий Персиваль III, чьи латы к этому времени под жарким мезозойским солнцем окончательно высохли, намертво схватились с речной глиной и превратились в подобие средневекового экзоскелета с функцией легкого удушья, решил, что дипломатический протокол затянулся сверх всякой меры приличия.

- Дорогу истинному крестьянину... тьфу, христианину! - внезапно рявкнул он, бесцеремонно расталкивая Макса и Катю своими железными локтями. С каждым его шагом из сочленений доспеха во все стороны летели куски подсохшей мезозойской грязи, напоминая шрапнель. - Расступись, немощь беспштанная! Салаги, дикари, пиктские выродки!

Рыцарь с трудо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.